

Ріанофорум

Специальный выпуск, посвященный юбилею Всеволода Задерацкого

9 июня
2020

Ad honorem

Рiанофорум

**Специальный выпуск, посвященный
юбилею Всеволода Задерацкого**

Издатели:
Национальный фонд
поддержки правообладателей,
АО «Юридическая экспертиза № 1»

При содействии *Российского
музыкального союза,
Международного союза музыкальных
деятелей*

Ответственный редактор
Полина Котовская

Дизайн и верстка
Андрей Осипов

Корректор
Алексей Гарипов

Адрес для корреспонденции
125009 Москва,
Брюсов пер., 2/14, стр. 8
+7 (495) 5079281
pianoforum@mail.ru
www.pianoforum.ru

Номер
сверстан
на Колыме

Издательство «Охотник»
Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402
hunterpress.ru
Типография: ООО «Меридиан»

Зарегистрирован Федеральной службой по над-
зору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС 77-77125,
дата регистрации изменений 06.11.2019.
Журнал выходит с 2010 г.

Содержание

Карина
Абрамян
2

Фарадж
Караев
16

Никита
Мндоянц
33

Рауф
Фархадов
46

Ксения
Башмет,
Юрий
Башмет
3

Любовь
Кияновская
19

Павел
Нерсесьян
34

Анатолий
Цукер
48

Михаил
Брызгалов
4

Николай
Луганский
24

Игорь
Пилатюк
35

Зора
Цукер
52

Михаил
Бялик
6

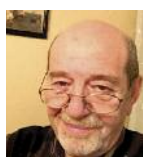
Александр
Маклыгин
25

Александр
Селицкий
37

Владимир
Чинаев
53

Матис
Вайцнер
9

Кшиштоф
Мейер
26

Александр
и Лариса
Соколовы
39

Татьяна
Шатковская
54

Александр
Гиндин
11

Екатерина
Мечетина
28

Александр
и Лариса
Соколовы
39

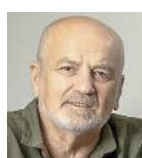
Анастасия
Якубек
55

Лев
Гинзбург
12

Мира
Евтич
31

Николай
Сук
40

Андрей
Ярошинский
57

Андрей
Диев
14

Светлана
Таирова
31

Йосси
Тавор
41

Кирилл
Карабиц
15

Александр
Титов
32

Владимир
Тарнопольский
42

Карина Абрамян, генеральный директор Союза композиторов РФ, пр-директор фирмы «Мелодия»

Карина Абрамян

Имя Всеволода Всеволодовича Задерацкого — исследователя и музыкально-общественного деятеля — навсегда вписано в историю отечественной культуры. Его двухтомник о музыкальной форме создал новую оптику восприятия современной музыки, а книга «Полифоническое мышление Стравинского» до сих пор остается одним из самых глубоких исследований о композиторе. Творчество соотечественников всегда интересовало Задерацкого — блестящие статьи о С. Губайдулиной и Э. Денисове, Г. Канчели и А. Лемане, В. Сильвестрове и А. Тертеряне, Б. Тищенко и Р. Щедрине. Отдельный пласт — работы, посвященные судьбе отца, выдающегося композитора Всеволода Петровича Задерацкого.

Когда общаешься с такими людьми, как Всеволод Всеволодович Задерацкий, всегда хочется соответствовать: его обаяние, речь, как будто не из нынешней эпохи, благородство заставляют собеседника держать спину ровно.

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ
С ВСЕВОЛОДОМ
ВСЕВОЛОДОВИЧЕМ, КОГДА
«МЕЛОДИЯ» ЗАПИСЫВАЛА
ЦИКЛ «24 ПРЕЛЮДИИ И ФУГИ»,
СОЗДАННЫЙ ЕГО ОТЦОМ

Позже мы снова встретились в Союзе композиторов России — опыт, знания и поддержка Всеволода Всеволодовича, который работал в Союзе с 80-х годов, были для меня очень важны и ценны.

Союз композиторов России поздравляет Всеволода Всеволодовича с юбилеем!

Ксения Башмет, лауреат международных конкурсов, Юрий Башмет, народный артист СССР, профессор

Ксения Башмет, Юрий Башмет

Дорогой Всеволод Всеволодович!

Собиралась начать этот текст словами: «Если и бывают в жизни судьбоносные встречи, то моя встреча с Вами относится именно к таким!» Красиво, эффектно, но... неправда. На самом деле, Вы начали влиять на мою музыкантскую судьбу задолго до личного знакомства, еще в 2003-м, когда мне посчастливилось играть ля-минорную прелюдию и фугу В. П. Задерацкого. А там первая же фраза такая, что влюбляешься в музыку Задерацкого буквально с первого взгляда и навсегда. А спустя много лет, в каком то смысле,

ля-минорная помогла мне стать «соучастницей» исполнения и записи всего цикла целиком. Это было моим личным восхождением на Эверест — столько сил, эмоций, нервов и времени потребовала от меня музыка В. П.! Но взамен она дала мне несоизмеримо больше, и не только как музыканту. Можно сказать, что шесть «моих» фуг с 22 бемолями и прочими диезами стали для меня, по сути, «Фугами личностного роста». Похоже, музыка Задерацкого и есть Эверест... Все, о чем я тут понаписала, случилось со мной благодаря Вам и Вашей любви к отцу и его музыке. Я знаю, как это, когда твой папа — Великий Человек, понимаю, какая ответственность ложится на нас, «детей». Я восхищаюсь Вами, прежде всего, как сыном Великого папы, ваша жизнь — лучший пример для подражания, эталон для всех нас, «детей» Великих пап и мам.

Я Вас поздравляю с Вашей шикарной цифрой! Здоровья Вам и энергии для свершений в следующей половине

жизни!!! И пусть Вас ежедневно посещают маленькие, случайные радости — из тех, которые «пустячок, а приятно»! Чтоб на кассе ошибались со сдачей — немножко, но в вашу пользу; чтобы именно вас «вынужденно» пересаживали из эконома в бизнес и т.д.

Папа с мамой присоединяются к поздравлениям. От мамы Вам огромная благодарность, за «возможность прикоснуться к новой музыке и испытать настоящее потрясение тогда, когда давно уже ничего не удивляет!» (Должна сказать, что удивить мою маму, а это тем более приятно, действительно почти невозможно!)

Теперь постараюсь воспроизвести папины слова о Вас максимально точно: «Он представитель уникальной, неповторимой культуры города Лемберга — Львова, в котором я рос и формиро-

вался. Львову важен вкус, важно качество, он не терпит фальши ни в чем. Так было не только в музыкальной школе им. Саломеи Крушельницкой, где я учился, но и на концертах, в парке, на европейских улочках города... Оказавшись в Москве, я скучал по дому, мне не хватало „духа Лемберга“ и до сих пор не хватает. Правда, в тот год нас приехало семеро львовян, все из одного класса и все семь — Юры! Львовянин всегда вычислит „своего“. Всякий вновь приехавший из Львова в консу вскоре знал в лицо каждого „своего“. Хотя долгое время мы с Задерацким не были знакомы лично, нас всегда „объединяла“ принадлежность к „львовскому братству“. Шлю самые свои теплые поздравления с солидной датой! Гип-гип-ура! Гип-гип-ура-а! Гип-гип-ура! Ура! Ура!!!»

Наталья, Ксения и Юрий Башмет

Михаил Брызгалов, генеральный директор
Российского национального музея музыки, президент
Ассоциации музыкальных музеев и коллекционеров,
президент Российского Духового общества имени
Валерия Халилова

Михаил Брызгалов

Дорогой, многоуважаемый, любимый
Всеволод Всеволодович!

Для меня большая радость и честь
иметь возможность поздравить Вас с
Вашей юбилейной датой, с днем рожде-
ния. На протяжении многих лет я имею
счастье знать Вас и всегда помню тот
момент, когда впервые услышал Ваше
выступление на сцене, где Вы абсо-
лютно самозабвенно представляли одну
из своих просветительских программ.
И я подумал: вот настоящий эталон
во всех смыслах, вот к чему нужно все-
гда стремиться...

Дорогой Всеволод Всеволодович!
Программы, которые Вы осуществляете
на протяжении многих лет, проекты –
громкие, красивые, – вся ваша жизнь

связана с просветительством, наукой и
организацией настоящих музыкальных
действ.

Я хотел бы искренне Вас поздравить.
Каждый раз радуюсь тому, что Вы у нас
есть, и всегда с нетерпением жду наших
встреч. Наблюдаю за тем, что происхо-
дит сегодня в Вашей деятельности – это
и журнал «PianoФорум», и просвети-
тельские программы, и Ваша активная
позиция в Российском музыкальном
союзе, и многое-многое другое, что вы
делаете, и то, что может быть не видно
со стороны.

Будьте здоровы, будьте таким, какой
Вы есть, радуйте нас своими успехами
в творчестве и в науке. Мы с удоволь-
ствием будем учиться у Вас, перенимать
Ваш опыт. Самое главное, чего мне хо-
телось бы Вам пожелать, – многая лета!
Спасибо Вам за науку, за Вашу муд-
рость, за доброе отношение!

От чистого сердца, с искренней лю-
бовью, Ваш Михаил Брызгалов.

Михаил Бялик, профессор

Михаил Бялик

Высокочитимый Всеволод Всеволодович, дорогой, любимый Сева, от души поздравляю Тебя с прекрасным юбилеем. Возраст, как известно, понятие относительное. Иные 30-летние видят себя сами и воспринимаются другими как старики. Конечно, 85 — цифра солидная. И все же когда, раскрыв свежий, как говорится, пахнувший типографской краской (даже в электронном варианте) выпуск PianoФорума, читаешь колонку главного редактора, актуальную по кругу поднятых проблем, написанную азартно, вдохновенно и мастерски, задающую высокий тон всем остальным публикациям журнала, даже сомнения не возникает, что мышку компьютера водит рука молодого, сильного, свободного, уверенного в себе человека.

МЫ С ТОБОЙ СЧАСТЛИВЫЕ
ЛЮДИ. НАМ ПОВЕЗЛО
ВЫЖИТЬ В СТОЛКНОВЕНИИ
ДВУХ СТРАШНЕЙШИХ
В ИСТОРИИ ДИКТАТОРСКИХ
РЕЖИМОВ И ДОЖДАТЬСЯ
ИХ ОСУЖДЕНИЯ (ПУСТЬ
И НЕ ВСЕМИ ПРИНИМАЕМОГО)

Мы оказались свидетелями таких фантастических научных открытий, которые невозможно было даже представить себе. Рядом с нами жили и творили гиганты духа.

Одним из них был твой отец, незабвенный Всеволод Петрович Задерацкий. Недругу не пожелаешь тех страданий и унижений, что вынес талантливый, блестяще образованный выпускник Московского университета и консерватории, ученик Танеева, перед которым открывались великолепные перспективы: молодым человеком он удостоился чести быть музыкальным воспитателем наследника российского пре-

стола (вскоре расстрелянного вместе со всей царской семьей). В советские годы Всеволода Петровича несколько раз арестовывали, его многочисленные сочинения ранних лет были уничтожены. Но, и оказавшись узником ГУЛАГа, он не мог не творить. Разлиновав обрывки бумаги и телеграфные бланки, он записывал на них свой грандиозный фортепианный цикл из 24 прелюдий и фуг. Эти серые листки история навсегда сохранит как свидетельство воистину героической победы человечности над варварством.

Тебе, Сева, довелось расшифровать рукопись, издать ноты, написать впечатляющую книгу об отце и участвовать в создании фильма о нем, опубликовать том его литературных сочинений (он ведь был и талантливым писателем), наконец, содействовать исполнению его музыки. Услышав ее, мир был изумлен: барочные, баховские формы он наполнил страстями и гармониями XX века и сделал это на том же высочайшем уровне художественности, что Хиндемит и Шостакович в своих знаменитых контрапунктических циклах – только опередив их во времени!

Выполнить громадный труд, возродить память о выдающемся мастере было с Твоей стороны тоже подвигом. Кому-то этого хватило бы для оправдания всей своей жизни. Но не зря же родители, чьи таланты и душевные качества ты унаследовал, нарекли тебя Всеволодом Всеволодовичем, то есть владеющим всем – «в квадрате». Твои дарования и познания неисчислимы. К какой бы области теории музыки ни

обратиться – полифонии, гармонии, анализу форм, – в каждую ты своими научными трудами внес капитальный вклад. Блистательный публицист, ты живо откликаешься на новые явления в искусстве и культурной жизни. Исследуя их, определяя специфику каждого, находя им место среди родственных явлений, ты часто поражаешь воображение непредвзятостью подхода, неожиданностью сопоставлений, глубиной обобщений. Постоянно готовый постичь незнакомое, опробовать для этого рождающиеся методы и инструменты познания, ты в то же

время сохраняешь верность сложившимся на протяжении десятилетий фундаментальным философским, нравственным, эстетическим принципам. Особо хочу сказать о языке, которым написаны твои труды – ни с чьим языком его не спутаешь. Я воспринимаю его как стихи. Сначала вслушиваюсь в музыку слов, с поразительной точностью отобранных из огромного фразеологического запаса. И лишь затем постепенно осознаю заключенные в них непростые смыслы. Эти смыслы, как и сами слова в данном контексте, часто кажутся парадоксальными. Но разве не парадоксальность составляет суть поэзии?

Ты, Сева, наделен счастливым даром привлекать сердца. Доброжелательный, страстный и одновременно, сдержанный, всегда полный идей и планов, Ты, несомненно, обладаешь свойствами лидера. Попав под обаяние незаурядной личности, люди охотно доверяют Тебе руководство творческими сообществами. Так было уже во Львове, где ты

FELICITATEM
INGENTEM
ANIMUS
INGENS DECET

обучался в консерватории (а вырвавшийся из неволи Твой отец преподавал в последние годы жизни). Так произошло потом в Киеве, где ты, молодой музыковед, стал проректором по науке. Там, собственно, мы и сошлись с Тобой: в Киеве я родился, а тамошняя консерватория — моя alma mater. Я знаю, как ценят в Украине все, что Ты сделал для развития национальной культуры, и не сомневаюсь, что многообразный вклад этот станет еще более очевидным, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Но во всю ширь таланты Твои развернулись в Москве, где Ты работаешь уже — и это тоже юбилейная дата — 40 лет. Занимая ответственные руководящие посты в консерватории, Все-союзной и Российской композиторских организациях, ты, по существу, направлял развитие отечественной музыкальной науки и публицистики. Среди множества инициированных Тобой общественных процессов — художественно-просветительская программа «Новое передвижничество», за осуществление которой ты был удостоен Государственной премии. Я в эту пору возглавлял секцию критики и музыковедения Ленинградского (Петербургского) Союза композиторов, и контактировать с таким шефом, как Ты, было на редкость интересно и приятно.

Основав журнал «РiаноФорум», Ты, можно сказать, попал в десятку. Дипломированный пианист и тонкий ценитель фортепианного исполнитель-

ства, Ты раньше других ощутил, какой интенсивный подъем происходит в этой сфере искусства, какие редкостные таланты тут появляются, сколько школ, манер, направлений убежденно заявляют о себе. Вот лишь один, хорошо известный мне пример. Когда в Питере, в Мариинском театре Мира Евтич и Валерий Гергиев решили провести фестиваль «Лики современного пианизма», многие усомнились в успехе «непрофильного» мероприятия. Журнал тогда поддержал организаторов концертной серии, поместив

обстоятельное обозрение, и продолжает серьезно рецензировать каждый следующий смотр. Интерес к фестивалю со стороны артистов и публики оказался столь велик, что в некоторые из сезонов его пришлось проводить дважды!

«РiаноФорум» не просто фиксирует эволюцию пианистического искусства, но и инспирирует ее. Среди периодических изданий этого типа, выходящих в разных странах, этот журнал — один из самых читаемых и авторитетных.

Милый Сева, прости мне неуместную в праздничный день старческую велеречивость. Будь снисходителен: все-таки я на целых 6 лет старше Тебя. С высоты прожитых лет я благословляю Тебя, пью за Твое здоровье и, назло всем вирусам, готов горячо Тебя обнять. Желаю впредь как можно меньше огорчений и утрат, как можно больше вдохновения и счастья!

HOMO DOCTUS
IN SE SEMPER
DIVITIAS
HABET

Матис Вайцнер, доцент Львовской консерватории, руководитель и концертмейстер Львовского камерного оркестра в 1960–1990 гг.

Матис Вайцнер

Не уверен, могу ли я передать те памятные на всю жизнь впечатления от встреч и, позволю себе сказать, дружбы с удивительным Человеком, который оказался тем «вирусом» на всю жизнь, велевшим заболеть любовью и верностью нашему делу — Музыке! Встреча с Всеволодом Всеволодовичем группы юных музыкантов во Львовской музыкальной школе-десятилетке — это невероятный случай, который так важен в жизни человека... А возможность общаться в школьных буднях с таким Талантом оказалась счастливым шансом для нас! К нам пришел выдающийся просветитель. Пытаясь определить наш уровень и обнаружив «торичеллиевы пустоты», молодой профессор не впал в уныние, а со всей страстью провел нас от

Монтеверди и Джезуальдо до Шенберга, Берга и Пендерецкого. Конечно же, и через изучение нашей музыки — Шостаковича, Прокофьева, Лятошинского. Все это происходило... 60. Лет. Назад. Сегодня вся эта информация не производит впечатления. А тогда... Тогда только начинали произносить имена Малера, Брукнера etc. Разумеется, мы учились и нас учил ВВ не по усредненной программе школы и даже консерватории. Блистательные лекции с самого начала поражали красотой речи. Мы не слышали такого! Затем — информация об авторе, разбор стиля, формы, разнообразные сравнения. Все было впервые, и очень хотелось думать самому. Вот чего «шутя-играя» добивался Учитель! Мы его обожали.

...А дальше было: «Большому кораблю...» Но Вс. Вс. не прерывает творческих научных и дружеских контактов с теперь уже коллегами. Продолжается его удивительная дружба с Мирославом Скориком. В один из при-

ездов Вс.Вс. пришел на репетицию камерного оркестра консерватории и предложил нам сыграть «Лирическую симфониетту» В. П. Задерацкого — сочинение 30-х годов, никогда не звучавшее. Вот тогда мы услышали историю жизни замечательного человека, яркого представителя русского авангарда. Сюиту мы сыграли с чувством большого удовлетворения. Это произведение в репертуаре оркестра. Добро победило! И, конечно,

сразу вспоминаем ту исключительную силу морали профессионального и сыновнего долга, проявленного нашим дорогим Вс. Вс. при подготовке к исполнению многих сочинений отца, особенно «Прелюдий и фуг»! И наконец фильм «Я свободен» — о Человеке, узнавшем на земле ад и сохранившем себя и свой уникальный талант. Он же воспитал сына — вот таким, каким мы его любим, с достоинствами выдающегося человека наших времен!

Александр Гиндин, заслуженный артист России

Александр Гиндин

Глубокоуважаемый Всеволод Всеволодович!

Примите мои искренние поздравления с 85-летием! В этот день мне хотелось бы сказать о двух сторонах Вашей многогранной деятельности. Первая из них связана с пропагандой творчества Вашего отца, композитора Всеволода Петровича Задерацкого. Я не могу назвать себя пианистом современной музыки, но, конечно, играю сочинения, написанные в XX веке. Как много прекрасной музыки было несправедливо

забыто, вычеркнуто из сознания, из концертной жизни. Как пианист могу сказать, что исполнение 24 прелюдий и фуг В. П. Задерацкого несколько лет назад в Москве вызвало широкий резонанс, и даже при беглом знакомстве понимаешь масштаб и музыки, и автора.

Вторая сторона — руководство журналом «РiаноФорум». Это в высшей степени достойное и компетентное издание о фортепианном искусстве, его творцах, сочинениях, исполнителях и т. д. Уверен, мою оценку разделят коллеги, ведь «РiаноФорум» укрепляет столь необходимую всем нам профессиональную среду.

Дай Бог здоровья Вам и журналу. Многая лета!

Лев Гинзбург, заслуженный деятель искусств России, музыкальный критик, музыковед, артистический менеджер, один из основателей журнала «Музыкальная жизнь», советник художественного руководителя Московской филармонии по международным связям

Лев Гинзбург

МУЗЫКОВЕД В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Имя этого замечательного и бесконечно дорогого мне человека легко можно найти в Википедии. Там будет все – все факты его жизни, его посты, награды и звания, его научные работы и общественные начинания. Но не будет – и не может быть – самого главного: а какой он в действительности ученый, какой он педагог, и, прежде всего, какой он человек. Вот об этом и хочется мне сказать несколько слов.

Начну с последнего, самого существенного. Мы с Севой (так, кажется, зовут его и в Консе, такова традиция) – люди одного поколения, многое пережили. Но что выпало на долю этого человека в юные и молодые годы, трудно себе представить:

аресты, преследования, унижения отца, одного из талантливейших композиторов той эпохи. Казалось бы, сын должен был озлобиться на весь мир, стать суровым и угрюмым. Но нет! Сева всегда был и остается обаятельным и добрейшим человеком, готовым помочь всем, кто в этом нуждается, мягким, хоть и требовательным педагогом. Но, к счастью, он позаботился о восстановлении памяти об отце, о возрождении его сохранившихся сочинений.

(Впрочем, знаю все это не по рассказам и книгам, а по собственной биографии. В печальном 1937 году мой отец [выдающийся пианист Григорий Гинзбург – прим. ред.] тоже подлежал аресту, и отчетливо помню мешок с вещами, лежавший у входной двери. Видимо, заступничество профессоров консерватории тогда спасло его, но дальнейшие доносы и запрет на выезды навсегда сломили его уже начавшуюся мировую карьеру. И я бесконечно благодарен другу за его участие в открытии памятного бюста моего отца в Большом зале Московской консерватории, за его теплые и искренние слова, сказанные там.)

Нет нужды повторять, что научные труды этого мастера, его книги и статьи известны и почитаемы во многих странах. В творчестве его отличает тот же высокий профессионализм, огромная эрудиция и широта взгляда на мир культуры и историю. Что скрывать, сейчас достаточно написать примитивную брошюрку на давно уже исследованную тему, и кандидатская, а потом и докторская у вас в кармане.

Здесь же — глубокие исследования полифонии великих мастеров далекого прошлого и современности и, что не менее важно, — обстоятельств и эпох, когда это творчество рождалось, новые пути подхода к творчеству мастеров разных времен. Более того, там и для композиторов сегодняшнего дня могут открыться новые пути творчества.

Так и хочется, перефразировав название одной из его известных лекций, сказать, что Заде-рацкий — «музыковед в контексте времени». И действительно, музыка прошлого, настоящего и даже будущего: всеми этими временами он владеет блистательно. Нельзя не вспомнить и не положить в копилку его достижений создание лучшего в сфере музыки журнала «PianoФорум», главным редактором которого он является.

Чтобы убедиться в его авторитете педагога, достаточно увидеть, с каким вниманием и даже увлечением слушают его студенты, где бы ни читал он свои лекции. И правда, им редкостно повезло учиться у такого блестящего мастера. Повезло еще, что Московскую консерваторию возглавляет друг и коллега Заде-рацкого, блестящий музыковед А. С. Соколов. В воспоминаниях своего далекого прошлого из всех отличных профессоров, у которых мне довелось учиться и

кого удалось слушать, пожалуй, только Игорь Федорович Бэлза был столь же ярок и доброжелателен в общении с молодыми музыкантами.

В этой связи особенно хочется сказать об общественной деятельности Заде-рацкого, об основанной им программе «Новое передвижничество». Об этом почему-то редко и мало пишут в газетах и не показывают по телевидению. Между тем, деятельность программы многогранна и охватывает не только всю Россию, но и некоторые страны СНГ. Значение этого начинания как незаменимого по-

средника между мастерами искусств и широкой аудиторией трудно переоценить.

Хотелось бы надеяться, что это замечательное начинание не только продолжится, но и будет расширено другими искусстваами, и прежде всего изобразительным искусством. Ведь у истоков

его стояли выдающиеся русские художники. Это, кстати, во многом способствовало бы укреплению культурных связей между некогда советскими республиками, ибо связи эти сейчас остаются, мягко говоря, довольно хрупкими.

Конечно, я только наметил четы и грани облика моего друга. Но, пожалуй, никто не сделал этого лучше, чем он сам в своей книге об отце «Per aspera». Искренность и объективность — да-да — именно трезвый взгляд на себя самого, столь редкий в наше время, лучше всего отражают черты характера этого скромного и бесконечно обаятельного человека. Поэтому всем советовал бы эту книгу почитать...

А сейчас хочется пожелать ему еще долго чувствовать себя таким же молодым — и духом, и энергией, и внешним видом, таким, каков он сегодня.

SERMO ANIMI
EST IMAGO:
QUALIS VIR,
TALIS ET
ORATIO EST

Андрей Диев,
профессор Московской консерватории

Андрей Диев

Это семейная история. Перед исполнением Камерной симфонии В. П. Задерацкого говорю маленькой тогда дочке (вместе рассматриваем фотографии многих поколений Задерацких в книге „Per aspera...“):

- Задерацкие на концерт придут!
- Все???

Сева! Как ярко я помню начало нашего знакомства – дома у Наумовых, на дне рождения Ирины Ивановны, супруги Льва Николаевича. Я думал: бывший ученик, намного старше меня, школяра. Но чувствовал со стороны И. И. с Л. Н. какое-то особое отношение к Тебе: с подчеркнутой теплотой и внутренним вздохом (много позже я понял причину того, узнав о судьбе В. П.). А тепло подобного рода они всегда испытывали ко всему, что связано с людьми из Житомира.

Скрываемое от нас (но ощущаемое нами!) сострадание было личным моментом для Ирины Ивановны, пострадавшей в военную пору вначале от фашистов (была угнана в Германию, точнее в Моравию), а затем от чекистов (прошла инквизицию – допросы в СМЕРШе). Много лет спустя, уже после ухода Льва Николаевича, когда я (как та собачка на лейбле His Master's Voice) стал замечать еканье сердца при виде людей, обликом напоминавших мне Л. Н. (седой, красивый, интеллигент, можно без очков), Ты, В. В., был одним из объектов моей поздней любви. Вы очень разные – Лева погряз в «служении» воспитанию пианистов, Сева воспари над музыковедением, историей, стал, я бы сказал, Львом, но Толстым на ниве создания ювелирных мыслей о музыке и об искусстве.

И того и другого автора трудно читать (говорю о читателе моего «пианистического» уровня), приходится, перечитав, передумывать. Зато – если получится – тебе открываются перлы, звучащие, как поэзия.

«Страсть и красота, красота страсти в накаленных звуковых потоках, движение которых ярче всего раскрывает великую драму любви, ее временную, а потому трагически брэнную сущность».

Как пианист я был счастлив, вначале уча (а это важно, ибо не вся музыка XX века учится с наслаждением), затем исполняя Камерную симфонию В. П. Заде-рацкого для фортепиано и духового ансамбля.

Меня попросили посоветовать ко-нибуть из моих студентов, чтобы он сыг-

рал это произведение. Я начал смотреть партитуру и понял, что должен сыграть сам, чтобы прозвучала не партия фортепиано, а ожила в звуках судьба автора, ибо я уже зачитывался „Per aspera...“ и сострадал, удивлялся, восхищался. Cadenza в финале превратилась для меня в «Судьбу человека». Незабываемые впечатления для меня как для солиста.

Сева! Ты человек мысли и дела, слова и чести, настоящего и будущего! Будь здоров и твори на радость всем нам!

Задерацкие идут!

Кирилл Карабиц, главный дирижер Bournemouth Symphony Orchestra (Великобритания)

Кирилл Карабиц

Дорогой Всеволод Всеволодович!

Сердечно поздравляю Вас с таким значимым и замечательным юбилеем. Здоровья, долголетия и свершения всех самых заветных желаний!

Хоть мы с Вами и стали лично общаться сравнительно недавно, Ваше имя всегда очень часто звучало в нашей семье, поэтому кажется, что мы знакомы очень и очень давно.

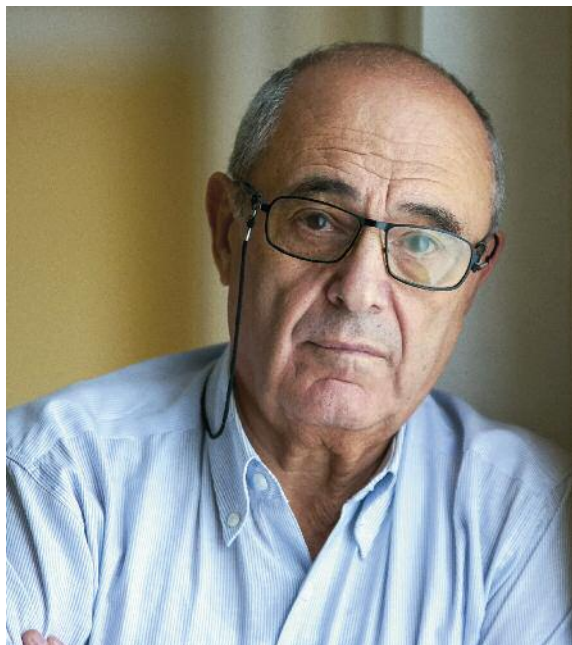
Одним из сильнейших впечатлений моих студенческих лет стало Ваше выступление в Киевской консерватории в 2002 году. Меня уже тогда очень сильно поразили необычайная сдержанность, всеобщая эрудиция, глубина и точность

каждой Вашей мысли и изречения. После этого я стал довольно часто открывать Ваши книги и статьи.

Вы относитесь к тем музыковедам и мыслителям, к которым обращаешься за идеями и вдохновением. В наше время музыковеды и критики очень часто являются ничем большим, нежели комментаторами музыки, оперируя всем понятной, гламурной терминологией.

Вы же относитесь к глубочайшим аналитикам и генераторам идей. Продолжая традиции Асафьева, Вы имеете способность слышать в музыке то, что направляет нас к ее непостижимым глубинам и открывает новый путь к осмыслению не всегда заметных пластов и значений.

Я глубоко благодарен судьбе за знакомство с Вами и надеюсь, что наше общение будет продолжаться и дальше!

Фарадж Караев, профессор Московской консерватории

Фарадж Караев

2020 — 1967 = 53

Именно столько лет длится наша дружба. География общения – чуть ли не весь Советский Союз: Новосибирск – Баку – Киев – Москва.

Первое знакомство – Новосибирск. Группа студентов и молодых педагогов Бакинской консерватории участвует в музыковедческой конференции, Задецкий – декан факультета. Его энтузиазм и неумная энергия нас поражают: он везде, он всюду, все знает, все успевает и четко контролирует весь процесс. Авторитет молодого декана – колоссальный, его слово – закон.

Подружились мы сразу же, видимо, по-иному и быть не могло: сразу же по-

чувствовалась какая-то общность и возникло взаимное притяжение.

Задерацкий в Баку, он приглашен в консерваторию в качестве председателя экзаменационной комиссии. К этому времени его «Полифония в инструментальных произведениях Д. Шостаковича» у нас уже хорошо известна и является настольной книгой не только для изучающих творчество Дм. Дм., но и для всех, кого привлекала музыка, созданная сегодня, — ведь в то время консерваторское изучение современной музыки на Шостаковиче благополучно и заканчивалось.

После бесконечного обсуждения дипломных работ мы все время проводим вместе — как-то вечером попали в оперный театр, шел мой «Калейдоскоп», позже я показал ему недавно законченную сонату для двух исполнителей, с тревогой ожидая оценки: его мнение для меня было чрезвычайно важно. Во время знакомства с сонатой произошел случай, который мне навсегда запомнился.

Слушаем, Задерацкий — очень внимательно, я — маюсь... Наконец первые три части позади, наступает время финала. Ближе к коде в глубине музыкальной ткани начинает вызревать цитата из глинкинского «Я помню чудное мгновенье», причем не в авторском варианте, а в транскрипции из фортепианной сонаты Олега Фельзера — знакомая музыка затенена и завуалирована. В этот момент Задерацкий, до этого, пожалуй, не поменявший позы за все 35 минут прослушивания, нервно заерзал, привстал со стула, затем... спокойно уселся и вновь не менял позы уже до самого конца.

На следующий день, когда мы ехали в аэропорт, обсуждая по пути прослушанное, я спросил, что его так дернуло

в конце финала и почему он, как мне показалось, в этот момент занервничал. Он ответил приблизительно так: «На меня вдруг повеяло чем-то удивительно родным и знакомым чуть ли не с детства. Не могу понять, почему».

Я объяснил, он понял...

Потом — Киев. Друзья, коллеги, собираемся дома у Вани Карабица — Задерацкий, Леня Грабовский, Коля Сук. Нередко — Мирослав Скорик и Женя Станкович. Задерацкого любят, это видно сразу же, он пользуется заметным уважением, но никто из присутствующих не опасается и подшучивать, подкалывать, впрочем, и он в долгу не остается. Я не всегда понимаю эти добрые полунамеки, все это слишком свое, слишком семейно-домашнее, чтобы человеку со стороны разобраться во всех тонкостях. У Вани Карабица дома на холодильнике висит пластмассовый крючок, к которому прикреплена табличка: «Це місце не позичати, це місце краватки Задерацкого!» («Место не занимать, это место галстука Задерацкого!»). Попытался выяснить, с чем связана эта шутка. Хохотали... Но ответа не получил.

Мы слушаем музыку, обсуждаем, спорим. И опять же, его слово, его мнение внимательно выслушивается даже несогласными, оно настолько убедительно и аргументированно, что энергия спорящих постепенно иссякает и дискуссия завершается сама собой.

Москва. Расскажу об одном эпизоде, касающемся меня лично. В 1990 году в Союзе композиторов СССР готовится грандиозный международный фестиваль, посвященный 100-летию со дня рождения С. С. Прокофьева. Место проведения — объединенная уже Германия. В оргкомитете фестиваля и на секретариате СК СССР кандидатура каждого потенциального участника, каж-

дого композитора и исполнителя тщательно обсуждается, взвешиваются эфемерные «за» и «против», учитываются рекомендации республиканских композиторских организаций. Списки постоянно меняются, сокращаются, дополняются.

Во время очередного заседания один из секретарей СК СССР неожиданно выступает против моей, казалось бы, уже утвержденной кандидатуры. Ни аргументации возражающего, ни каких-либо подробностей произошедшего я не знаю. Присутствовавшая на заседании немецкий музыковед Hannelore Gerlach позже рассказала мне, что все шло к тому, что обширная концертная программа фестиваля обойдется без сочинений Фараджа Караева. И тут, продолжила Hannelore, Задерацкий взял слово. Отстаивая мою кандидатуру, он проявил твердость, выдержал многочасовой бой и вышел из него победителем.

Через много лет, когда мы в очередной раз мельком столкнулись в Союзе композиторов, нашлось время, чтобы присесть за столик в буфете. Мне почему-то захотелось напомнить ему

о делах давно минувших дней, ту «драку» на заседании оргкомитета и сказать пару слов благодарности. А в ответ скороговоркой нечто такое: «Один я ничего бы не сделал, меня тогда здорово поддержала Hannelore». В этом — весь Задерацкий!

Благодаря его усилиям я удержался в фест-обойме, и за фестивальный год мне посчастливилось несколько раз побывать на исполнении своих сочинений в Германии. Завязались контакты с коллегами-композиторами, с дирижерами, с исполнителями — произошло то, что стимулирует композитора на творческую активность. Сотрудничество с Ensemble Modern, полугодовая стипендия от Krupp-Stiftung... Всего этого могло и не быть, и жизнь, несомненно, сложилась бы иначе.

Видимся мы не слишком часто, как того хотелось бы. И как, конечно, должно было бы быть. Но всегда, при любой мимолетной встрече, любом телефонном звонке, при любом контакте — искренняя симпатия, теплота, благожелательность: **1967 + 53 = 2020.**

И друг другу обязательное – «Надо встретиться»!

Любовь Кияновская, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории музыки Львовской Национальной музыкальной академии им. Н. Лысенко

Любовь Кияновская

AD HONOREM ЛЮБИМОГО УЧИТЕЛЯ

Юбилейную статью о Всеволоде Всеволодовича Задерацком хотелось бы начать с латинского изречения: *Ex opere artifex agnoscitur* (мастера видно по работе). Я умышленно дважды обратилась к латыни — в названии и в первом же предложении, поскольку именно благодаря профессору осознала, с какой легкостью и блеском можно пользоваться огромной сокровищницей латинских максим. Но... собственно, все тексты, которые пишет Всеволод Всеволодович, поражают в равной степени глубиной и легкостью, блеском стиля и железной логикой, доступностью, увлекательностью изложения и точностью научных

формулировок. А его доклады и речи — это сплошной интеллектуальный пир! Его музыковедческие труды отличаются особым узнаваемым стилем, который может составлять объект отдельного исследования. В целом же научные концепции Всеволода Задерацкого имеют одно огромное преимущество: все они исходят из живого музыкального звучания и логики музыкальной формы, интонационной выразительности и тембральной красочности композиторского артефакта; становятся результатом вдумчивого вслушивания в звуковой универсум, а не возникают из умозрительного теоретизирования, стремления вложить произведение в заранее заданную схему. Именно на этом принципе были написаны его фундаментальные труды: «Полифония в инструментальных произведениях Д. Шостаковича», «Полифоническое мышление Игоря Стравинского», учебник в двух томах «Музыкальная форма», многочисленные статьи и исследования, посвя-

щенные выдающимся личностям музыки XX века.

В юбилейной статье традиционно следовало бы дать объемную биографию «главного героя», а затем — развернутый анализ его научных достижений, но я решила не делать ни того, ни другого, руководствуясь вполне прагматическими соображениями. Биографии выдающихся личностей теперь довольно подробно излагаются в Википедии и других интернет-источниках, поэтому пересказывать их нет никакого смысла. Для того же, чтобы более или менее качественно проанализировать научный компендиум Всеволода Задерацкого, понадобилось бы не менее 20–25 страниц, которые не предусмотрены форматом юбилейной статьи. Поэтому в конце после долгих раздумий выбрала своеобразную форму «ностальгического эссе», посвященного педагогическому таланту Всеволода Всеволодовича, поскольку эта весьма существенная страница его разносторонней деятельности как-то всегда остается в тени — а зря: она столь же совершенна, как и все, что делает выдающийся ученый, потому что «великий человек велик во всем».

Тем более чувствую себя обязанной написать такую статью, поскольку имела настоящее счастье быть аспиранткой Всеволода Всеволодовича и написать под его руководством кандидатскую диссертацию — его педагогические основы стали для меня на всю жизнь образцом того, как следует общаться со своими воспитанниками. Впоследствии, когда пришлось задуматься над ролью и задачами научного руководителя диссертации, собственный опыт общения с профессором всегда подсказывал мне решение.

Мне очень импонирует немецкое

определение «Doktorvater» или «Doktormutter», то есть «отец» или «мать кандидатской диссертации». У нас подобное определение как-то не прижилось, возможно, из-за типично советского и постсоветского отчуждения и незыблемого правила сохранения служебной дистанции. Но Всеволод Всеволодович был, собственно, таким идеальным Doktorvater. Во многих аспектах его подход к занятиям с аспирантами отмечался несколькими важными принципами, которые и сегодня воспринимаю как самые существенные для формирования новой научной генерации. И чем больше над ними размышляю, тем больше убеждаюсь в их актуальности в современной среде гуманистических исследований.

ПЕРВЫЙ НАУЧНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП
ПРОФЕССОРА ЗАДЕРАЦКОГО —
ДОВЕРИЕ И УВАЖЕНИЕ
К СОБСТВЕННЫМ ИДЕЯМ
АСПИРАНТОВ, КОТОРОЕ
ВСЕГДА ИНСПИРИРОВАЛО
КРЕАТИВНОСТЬ ИХ
МЫШЛЕНИЯ
И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЫВОДОВ

Не думаю, что в то время, когда я была его аспиранткой, — в начале 1980-х годов в дремучем брежневском застое — он знал теорию американского гуманиста Лоуренса Кольберга, но форма его общения с учениками полностью соответствовала постулатам данной теории, признанной на данный момент одной из самых продуктивных в мировой педагогике. Метод Кольберга исключает «любые авторитарные, фундаментальные, непогрешимые и от-

меченные абсолютным убеждением в своей непогрешимости утверждения, в том числе методологические утверждения педагога, который учитывая его преимущество (как эксперта и авторитета) разрушает принцип равенства шансов в дискурсе».

Вот чего действительно никогда не было в нашем общении с профессором Задерацким, — это ощущения его безошибочности и превосходства. Конечно, ВВ делал замечания — и немало! Но они касались исключительно какого-то конкретного утверждения, при этом никогда не ставили под сомнение творческий интеллектуальный потенциал молодого адепта науки. Наоборот, любое замечание начиналось со слов поддержки: «Очень интересно, действительно перспективная идея! Но знаешь... Этот пассаж здесь вообще некстати, главная сущность просто размывается, надо найти точную дефиницию. А здесь, на мой взгляд, аргументация слабовата». Более того, высказанные замечания не означали, что надо было безапелляционно их принимать: любую свою мысль, с которой он не соглашался, можно было отстаивать в свободной дискуссии, которая всегда проводилась в доброжелательном тоне. И не раз профессор принимал мою точку зрения, отмечая, что моя аргументация в конце концов его убедила. После таких дискуссий у меня «вырастали крылья», но вместе с тем приходило осознание необходимости солидно обосновывать каждую свою гипотезу или заключение. Так формировался текст диссертации, выношенный и пережитый нами обоими. Поэтому из своего аспирантского опыта я вынесла не только старательно проработанный текст, который можно было спокойно подавать на защиту, но и нечто гораздо более важное: принципы научного

поиска, привычку длительное время обдумывать и проверять собственные гипотезы, ставить их под сомнение и координировать с существующими уже положениями и концепциями, выходить только и исключительно из музыкальной практики, доверять слуховым впечатлениям, вслушиваться в новые звучания, не бояться новых направлений в тематике исследований, даже если вначале они кажутся экстравагантными.

Не менее важным был и следующий принцип научного общения Всеволода Задерацкого со своими воспитанниками, основанный, видимо, на гениальной педагогической интуиции:

ОН ВСЕГДА ВНУШАЛ ВЕРУ
В УСПЕШНОСТЬ ИХ РАБОТЫ,
УМЕЛ «ЗАПРОГРАММИРОВАТЬ
НА УСПЕХ», И УБЕДИТЬ
В ВАЖНОСТИ ТОГО, ЧТО ОНИ
ДЕЛАЮТ

Причем к каждому из учеников он мог найти свой индивидуальный подход, который всегда оказывался правильным.

Обратившись к социопсихологическому определению различных типов педагогов: педагог-тиран, педагог-отец, педагог-пример, педагог-друг и др., — я пришла к выводу, что Всеволод Всеволодович представляет универсальный или идеальный тип, так как гибко сочетает все вышеназванные. Он с легкостью переходил от «тиранической» требовательности к родительской заботе, от исключительной дружественности и легкости в общении к демонстрации (вполне естественной, в основном даже спонтанной) таких интеллектуальных высот и богатства эрудиции, от которых захватывало дух.

Эта многомерность уникальной личности поражала тогда и до сих пор

остаётся недостижимым идеалом. И каждая из этих ипостасей Задерацкого-педагога будит трогательные воспоминания...

Тиран: стремясь показать, как «почему» умею писать и сколько модных научных терминов выучила, очень довольная собой, принесла текст, где-то на 75% составленный из предложений типа: «В парадигме трансцендентной экзистенции артефакта элиминируем эгоперсоналистический коррелят». Профессор несколько раз внимательно перечитал мой шедевр, после чего аккуратно перечеркнул всю страницу крест-накрест и на полях написал: «А теперь человеческим языком». Подействовало раз и навсегда.

Отец: я впервые в Москве. Огромный, беспокойный, тревожный город. Мне некомфортно и очень жаль себя. Всеволод Всеволодович — декан историко-теоретического факультета Московской консерватории — назначил мне время занятия, но заседание, на котором он должен был быть, затянулось. Жду. И себя становится жалко все больше. Приходит Всеволод Всеволодович, улыбается своей неповторимой улыбкой, от которой в момент исчезают все горести и страхи, и говорит (именно говорит, как актер на сцене, прекрасно смоделированные голосом с выразительной палитрой интонаций): «Солнышко, сначала пошли пить кофе». И мы идем в буфет Московской консерватории, шеф гордо угощает меня не только кофе, но и бутербродом с красной икрой (в то время роскошь просто немыслимая! Во Львове такие деликатесы водились только в спецмагазинах для

Parteigenosse). Этот чисто человеческий жест тогда очень меня впечатлил...

Пример: не надо специально подчеркивать, что энциклопедические знания Всеволода Задерацкого удивляли всех, кто имел возможность слышать его лекции, читать труды или общаться лично. Однажды, когда по поводу очередного фрагмента моей диссертации профессор привел с десятков разнообразных толкований и еще столько же дефиниций из разных музыковедческих трудов — легко,

спонтанно и не напрягаясь, — я одновременно с восторгом и отчаянием воскликнула: «Никогда мне не удастся достичь такого фантастического уровня знаний в любой области музыковедения!» ВВ ответил очень спокойно и чуть иронично: «А ты, как и каждый, будешь иметь тот уровень знаний, который сама себе определишь. Никакого особого чуда

нет: то, что сочтешь нужным и интересным, то и запомнишь. Есть много отраслей, в которых я мало что понимаю. А есть и такие сферы, которые все время держу в поле внимания». Но, кажется, круг его интересов был весьма широким, по крайней мере, в гуманистических науках, что позволяло выдающемуся ученому выражать новаторские идеи на стыке различных модусов видения одного и того же явления в искусстве.

Недаром же он начинал с полифонии XX в.: сначала Шостакович, затем Стравинский. Полифоническая логика, способность выстроить совершенную вертикальную и горизонтальную конструкцию (в композиторском измерении) или подробно ее расшифровать, найти точный вербальный аналог (в музыковедческом измерении) — это высший пило-

PEREGRINATIO EST VITA

таж, который требует острого слуха, математических наклонностей и временно-пространственной ориентации, и вообще многих музыкальных и интеллектуальных способностей.

ЕГО ИНТЕРЕС К ЭТОЙ АРХИСЛОЖНОЙ ОТРАСЛИ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ БЫЛ ОБУСЛОВЛЕН НЕ ТОЛЬКО СПЕЦИФИЧЕСКИМ ОБРАЗОМ, НО И СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Его отец, личность сложной и трагической судьбы, талантливый композитор Всеволод Петрович Задерацкий, прославился тем, что первым в XX в. создал цикл прелюдий и фуг — задолго до Хиндемита и Шостаковича. Не обошлось и без влияния научного руководителя кандидатской диссертации Всеволода Всеволодовича — выдающегося русского ученого Владимира Протопопова.

На этом прочном фундаменте Всеволод Задерацкий-младший создал собственное слово о музыке, оно может служить образцом не только для его многочисленных учеников, но и для всех, кто открывает для себя каноны музыкального творчества XX в.

Коллега и друг: «Настоящий учитель тот, кто остается со своим учеником на всю жизнь». Эта восточная мудрость предполагает переносный смысл, но в моем случае она действительно имела довольно прямое воплощение. С моим бесконечно уважаемым ментором мне повезло встречаться еще много раз — во Львове, в Москве, Киеве и Одессе... Каждая такая встреча оставалась незабываемым следом в памяти, открывала новые грани его невероятной личности. Но одна такая встреча врезалась в память особенно сильно. Это был вечер памяти отца Всеволода Петровича Задерацкого.

Концерт из произведений композитора подготовила доцент Кристина Блажкевич со своим классом.

Именно в тот вечер нам всем, кому казалось, что мы хорошо знаем ВВ, понимаем его легкую, солнечную, оптимистичную натуру, открылся другой человек: тот, кто на протяжении всей жизни таил в глубине сердца большую боль, сопереживание трагедии близкого человека. Без привычных для него острот, без улыбки, взволнованно и строго он рассказывал о том, как всесторонне одаренный юноша — его отец — учил музыке наследника престола, а в начале Первой мировой войны сдавал экзамен по фортификации Цезарю Кюи, потом попал в армию Деникина, навсегда потерял первую жену и сына, отправив их в Париж, перешел круги ада советских лагерей, в конце жизни оказался во Львове...

Знаю, что эта юбилейная статья не об отце, а о сыне, и все же не могу обойти этого эпизода: кажется, что в исключительной научной, организационной, просветительской, педагогической и человеческой щедрости Всеволода Всеволодовича заложен не только его собственный потенциал, но и внутренняя потребность завершить жизненный чин отца, которому не дано судьбой было это сделать.

Однажды после защиты дипломных работ на теоретическом факультете нашей академии председатель ГЭК профессор Задерацкий произнес тост за счастье — словами Льва Толстого: «Счастье — это удовольствие без раскаяния». Именно таким счастьем для меня и, уверена, для всех его учеников было общение с ним. И позволю себе дополнить Толстого: «удовольствие без раскаяния и постоянное духовное обогащение».

Николай Луганский,
народный артист России

Николай Луганский

Дорогой Всеволод Всеволодович, от всей души поздравляю Вас с 85-летием!

Меня всегда поражала Ваша удивительная любознательность и заинтересованность в творчестве молодых музыкантов, благодаря которой мы познакомились еще в мои студенческие годы в консерватории. Вы были не только частым гостем класса моего учителя Сергея

Леонидовича Доренского, но и его верным товарищем. Дружбу с Вами профессор очень высоко ценил!

Не может не восхищать Ваша неподдельная радость от встречи с неизведанным и желание услышать новое. Во многом благодаря Вашим усилиям по возвращению наследия прекрасного композитора Всеволода Петровича Задерацкого на сцене и радио все чаще звучит его музыка – это замечательно!

Я желаю Вам сохранить энергию, любовь к жизни и молодость души, над которой абсолютно не властны годы!

Ваш Николай Луганский

Александр Маклыгин, доктор искусствоведения, заведующий кафедрой теории музыки и композиции Казанской консерватории, художественный руководитель ансамбля «Импровиз-Рояль»

Александр Маклыгин

Уже при первой встрече с Всеволодом Всеволодовичем он и профессионально, и человечески удивил яркостью своей натуры. И, надо заметить, продолжает удивлять до настоящего времени. Его энергия созидания неистощима с годами, рождая поразительные по своей общественной востребованности и художественной целесообразности творческие проекты. Чего стоит идея «Нового передвижничества», не просто излученная интеллектуальной инновационностью мышления музыковеда, но и организационно блестяще внедренная в широкое культурное пространство с грандиозным музыкантским пониманием и сильной менеджерской хваткой! Вспоминая сегодня суровые 90-е годы с их резкой (но слава богу, кратковременной!) девальвацией классических музыкальных ценностей, особенно в самых разных регионах широкого рос-

сийского пространства, с особой благодарностью оцениваешь масштаб поистине высокой художественной миссии В. В. Задерацкого по сохранению именно в самых разных уголках отечества идеалов высокого искусства!

Он блестящ, когда начинает говорить о музыке! Но этот блеск еще ярче, когда Вс. Вс. начинает размышлять о музыке! Его мысль феноменально пластична, облекаемая в удивительный по своей лексической селекции интеллектуальный узор! Многие его статьи воспринимаются как некие художественные объекты, которые воспринимаются через красоту звучания его речи. Читая их, слышишь живое интонирование его тембрики, фонетическую нюансировку отражаемых «смыслов». В этом можно усмотреть великолепное умение интеллектуальной импровизации, живой устности в спонтанном рождении мысли и ее развертывания. Отсюда «по-задерацки» поразительные в своей образно-порождающей ассоциативности метафоры, непредсказуемые развороты и перепады в логике движе-

ния материала. Без сомнения, в нашей отечественной музыкальной науке и публицистике он обладатель индивидуального стиля!

В год своего юбилея Всеволод Всеволодович Задерацкий своими деяниями практически во всех сферах профессиональной деятельности – общественной, просветительской, научной, педагогиче-

ской, административной – демонстрирует поразительный пример жизненной активности и высочайшей эффективности своих инициатив!

Как замечательно – у нас есть! Нас учит! С нами работает! Нас двигает вперед! Нам открывает новые перспективы Всеволод Всеволодович Задерацкий! Поздравляем!

Кшиштоф Мейер, профессор,
композитор, музыковед, пианист

Кшиштоф Мейер

Всеволоду Всеволодовичу Задерацкому исполняется 85 лет! Это просто невероятно! Я имею удовольствие знать его много лет, и даже уже не помню, когда мы встретились впервые – лет 40 тому назад или больше, но где? В Москве? В Кельне? В Варшаве? Или, может быть, это было в Киеве в

1974 году, когда Всеволод Всеволодович был проректором Киевской консерватории? А впрочем, это не имеет большого значения. С самого начала наших отношений меня поразило его восприятие мира. Всеволод Всеволодович казался вечно молодым человеком, излучающим радость, восхищение и доброжелательность, он всегда улыбался. Когда мы были в большой компании, он всегда был в центре внимания. Анекдоты и истории, которые он рассказывал, никогда не были тривиальными, у него был исключительный дар рассказчика.

Я имел огромное удовольствие принимать его в нашем доме в Бергиш-Гладбах под Кельном. В гостевой книге он написал нам несколько трогательных слов: «Любовь, которая живет в этом доме, подарила свой луч и мне. Отныне во мне живет это волшебное мгновение счастья, такое незабываемое и важнейшее для меня. Люблю Вас, друзья мои нежные, высокие и прекрасные!» Однако Всеволод Всеволодович прежде всего выдающийся музыковед, автор многих значительных трудов. Я особенно ценю два из них: «Полифония в инструментальных произведениях Д. Шостаковича» и «Полифоническое мышление Стравинского», а также учебник в двух томах «Музыкальная форма». В этих работах, написанных в высшей степени профессионально, я также ценю простой и понятный язык — особенность, столь редкая в музыковедческих публикациях. Это вызывало у меня уважение и восторг. Вот почему я всегда старался обращаться к нему в традиционной красивой русской форме с отчеством: Всеволод Всеволодович. Од-

нажды он рассмеялся и сказал: «Не нужно так ко мне обращаться. Если уж хотите с отчеством, то, может быть, Велосипед Велосипедович».

Только однажды, помнится, мы говорили очень серьезно, без каких-либо шуток и анекдотов. Тогда он рассказал мне о страшной судьбе своего отца, Всеволода Петровича. Тогда я услышал трагическую историю о человеке с чрезвычайно сильной волей, который, несмотря на ужасные условия, обладал внутренней силой и мотивацией и, несмотря на все трудности, создал замечательный цикл из 24 прелюдий и фуг для фортепиано (я имел честь присутствовать на европейской премьере в Горише на фестивале «Дни Шостаковича»). История столь же трагическая, сколь и впечатляющая.

Никак не могу поверить, что Всеволоду Всеволодовичу исполняется 85 лет. Если время иногда для кого-то останавливается, то это произошло в случае моего друга. Желаю Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и неизменного оптимизма. Всего самого наилучшего!

Екатерина Мечетина,
заслуженная артистка РФ

Екатерина Мечетина

Знаю этого удивительного человека, можно сказать, с детских лет – с 1996 г., когда впервые судьба свела меня с уже существовавшей программой «Новое передвижничество».

Любая значительная личность открывается во всем своем многообразии и глубине тогда, когда сам наблюдатель готов воспринять и понять ее масштаб. Так и я, чем дольше и больше знаю Всеволода Всеволодовича, тем больше поражает меня этот необыкновенный человек, соединяющий в себе все то самое важное, что присуще всем легендарным профессорам Московской консерватории, – талант, энциклопедические знания, принадлежность к великим академическим традициям и энергия для их развития и преумножения, мощный интеллект и весь арсенал инструментария для научной ра-

боты, и самое главное – преданность делу, любовь к искусству и исключительное человеческое обаяние.

Всеволода Всеволодовича невозможно не любить!

Его работа по сохранению наследия отца, Всеволода Петровича Задерацкого – одновременно и дар отечественному музыковедению и исполнителям, получившим в свое распоряжение уникальное сокровище полифонического стиля XX века, и исполнение сыновнего долга.

Программа «Новое передвижничество», название которой говорит само за себя, – планомерная, негромкая и не кричащая о себе, но важнейшая многолетняя работа с благороднейшей целью сделать музыку доступной в далеких уголках нашей страны. Все это очень созвучно ценностям Всеволода Всеволодовича, для которого как для истинного русского интеллигента важнее суть, чем яркая упаковка, важнее содержание, чем презентация.

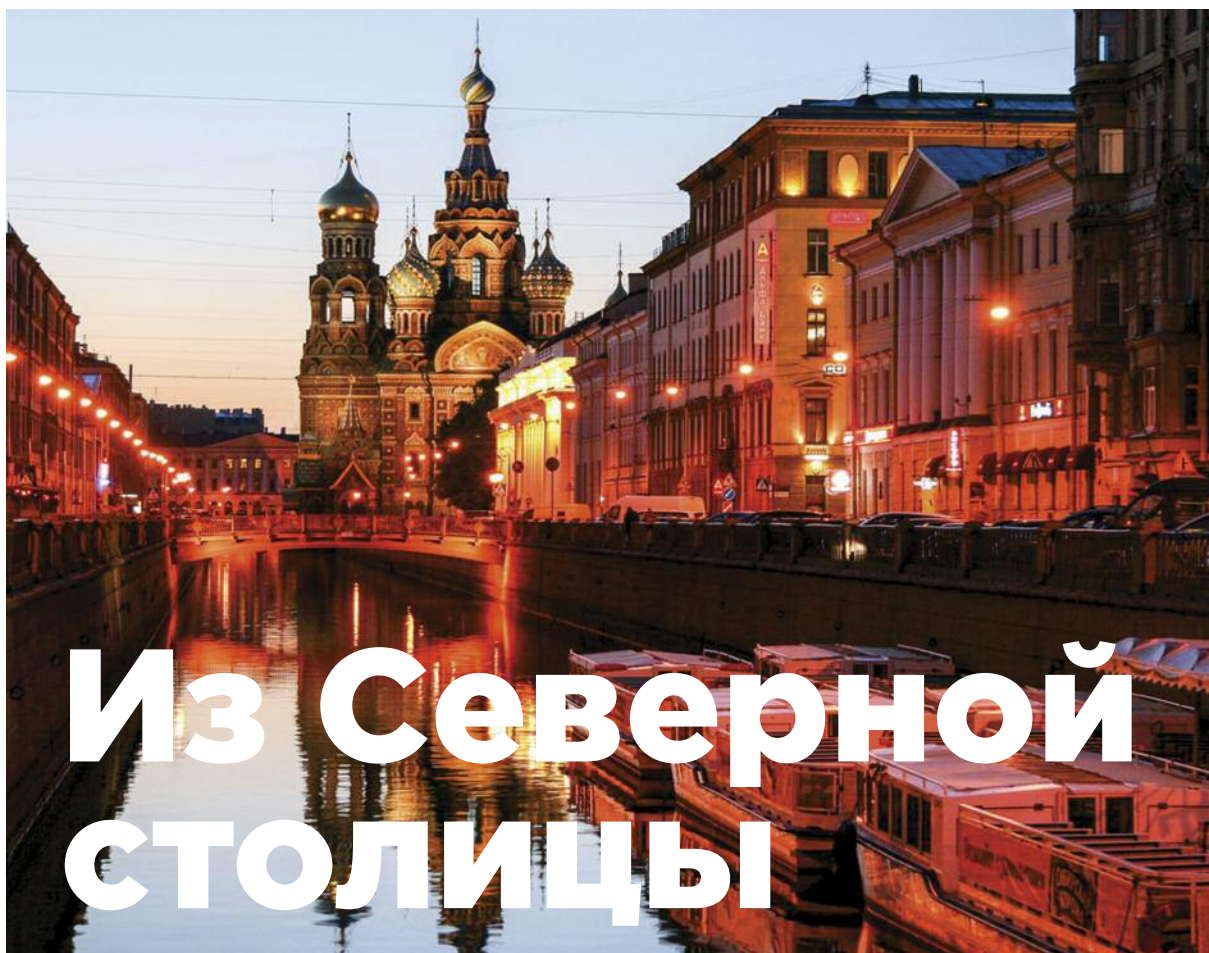
Наконец журнал «PianoФорум» –

также детище Всеволода Всеволодовича и его единомышленников и соратников. Это издание мы все полюбили за благородный вкус его авторов, за информацию, поданную профессионально, безупречно и дающую повод к размышлениям и развитию, и, конечно же, за неизменную статью, открывающую номер, – всегда насыщенную философией, аналитикой, историей, идеями, облеченными в элегантную словесную форму, за которой буквально слышен тембр и интонации голоса Всеволода Всеволодовича.

Конечно, есть и многие другие точки приложения таланта и сил Всеволода Всеволодовича: например, работа в Со-

вете РМС, одним из результатов которой стал дорогой мне проект Alumni, зародившийся благодаря идее Всеволода Всеволодовича о том, что лучшие выпускники консерваторий России должны быть знакомы московской публике.

Невозможно в краткой поздравительной статье перечислить все заслуги замечательного человека. И, переходя, собственно, к поздравлениям, восклицаю: многая лета, дорогой, бесценный Всеволод Всеволодович! Спасибо вам за ваше горение, за неравнодушие, за бесценный опыт и мастерство, за мудрость и душевную молодость! Здоровья и долгих счастливых лет впереди!

Из Северной столицы

Санкт-Петербург. В начале XX века сюда регулярно приезжал музыкальный наставник наследника царского престола — Всеволод Петрович Задерацкий.

В начале XXI века в этом городе сосредоточились знаковые события для сохранения творческого наследия композитора: экспозиция цикла «24 Прелюдии и фуги» в Концертном зале Мариинского театра (фестиваль «Лики

современного пианизма»), издание Второго детского фортепианного концерта, Сонаты для валторны и фортепиано и книги В. В. Задерацкого «Per aspera...» (вторая редакция), исполнение симфонических плакатов «Завод» и «Конная армия» в Большом зале Филармонии (Санкт-Петербургский государственный академический оркестр), показ фильма Анастасии Якубек «Я свободен» в Доме композиторов.

Мира Евтич

С днем рождения, наш дорогой Севочка!

Все мы из «Ликов современного пианизма» хотели бы обнять Тебя и пожелать творческой силы, здоровья, радости и красоты. С любовью, Мира Евтич.

Мира Евтич, сооснователь
Международного фестиваля «Лики
современного пианизма» (Мариинский
театр, Санкт-Петербург)

Светлана Таирова

Дорогой Всеволод Всеволодович!

В день, когда сэру Уинстону Черчиллю исполнилось 90 лет, он давал интервью компании Би-Би-Си. На вопрос корреспондента о целях, к которым, по мнению юбиляра, человек должен стремиться в жизни, «величайший в истории британец» (по опросам Би-Би-Си) дал исчерпывающий ответ: «У человека есть две цели в жизни. Первая — достичь желаемого. Вторая — наслаждаться достигнутым. Вторая, правда, доступна мудрейшим».

Дорогой Всеволод Всеволодович! Вы один из нечасто встречающихся мудрецов, кто, достигнув больших высот, сумел сохранить почти детскую любовь к жизни, оптимизм, увлеченность своим делом, теплоту и щедрость к окружающим Вас людям.

От всей души хочу пожелать Вам еще многих-многих лет, полных радости, творчества, любви близких и коллег. Вы заслужили право наслаждаться достигнутым!

С замечательным юбилеем!

Всегда с Вами.

Светлана Таирова, генеральный директор — главный редактор издательства «Композитор — Санкт-Петербург»

Александр Титов

Дорогой Всеволод Всеволодович!

Поздравляю Вас с Юбилеем! Это замечательная дата, знаменующая зрелость, богатый опыт и высокие творческие достижения!

Вы воспитали несколько поколений музыкантов, щедро делясь своими обширными знаниями, художественными устремлениями, своим пониманием музыки, бескорыстно отдавая свое время и силы. Ваш многолетний труд в Московской консерватории, исследовательский талант, педагогическое мастерство, лекторский дар, музыкально-просветительские инициативы снискали Вам заслуженный авторитет в широчайших кругах музыкального сообщества. Ваш вклад в отечественное музыкознание бесценен.

В год Вашего юбилея желаю Вам успешного и плодотворного продолжения работы во благо российского искусства, новых творческих озарений, полноты жизненных сил на долгие-долгие годы!

Александр Титов, художественный руководитель и главный дирижер Санкт-Петербургского государственного академического оркестра, заслуженный деятель искусств РФ, профессор, заведующий кафедрой оперно-симфонического дирижирования Санкт-Петербургской консерватории

Никита Мндоянц,
пианист, композитор,
преподаватель Московской
консерватории

Никита Мндоянц

Дорогой Всеволод Всеволодович!
От всей души поздравляю Вас с юбилеем!

Я безумно благодарен судьбе, что познакомился с Вами в свои совсем еще юные годы, когда только начиналось мое становление как музыканта. Каждые Ваши комментарий или замечание остались в моем сознании на всю жизнь и бесспорно повлияли на мое развитие — и как исполнителя, и

как композитора. А Ваше теплое и чуткое человеческое отношение всегда вдохновляет на новые свершения!

Особенно благодарен Вам за то, что открыли для меня в свое время много новой музыки, в том числе сочинения Вашего отца, которые я имел честь и удовольствие играть и записывать.

А каждое Ваше вступительное слово на концертах надолго остается в памяти как увлекательнейшее повествование!

Хочу Вам пожелать крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, которой Вы неизменно заряжаете окружающих Вас людей!

Многая лета, дорогой Всеволод Всеволодович!

Павел Нерсисян, заслуженный артист России, профессор Московской консерватории, профессор Бостонского университета

Павел Нерсисян

В это странное время, полное имитаций живого общения, запретов на самое непосредственное, контроля за большей частью жизни, — яснее видны главные критерии и координаты артистической жизни. Они — не абстракции, они предстают нам в виде внутреннее сильных, страстных людей с непогрешимым вкусом и открытым сердцем. Человек, любящий наше общее дело, активный в своей любви, мотивированный, сочетающий ум и страсть, традицию и умение видеть будущее, — таким я вижу Всеволода Задерацкого.

Игорь Пилатюк, народный артист Украины, академик Академии искусств Украины, профессор, ректор Львовской национальной музыкальной академии им. Н. Лысенко

Игорь Пилатюк

Непостижимы судьбы человеческие. Непредвиденные и порой загадочные ее вердикты очень непросто понять — благодаря или вопреки? Какова роль, определенная каждому из нас в вечной и бесконечной «человеческой комедии», и каков будет финал этого театрального действия, называемого *жизнью*? Признание или забвение, триумф или фиаско, любовь и лавры или вечные гонения и мучения? Как сказано в Писании, «...и кто был последним, тот станет первым». Эти размышления навеяла прочитанная мною биография Всеволода Петровича Задерацкого, выдающегося композитора, мыслителя, отца гениально талантливого ученого, доктора искусствоведения, профессора Всеволода Всеволодовича Задерацкого. Сын выдающегося отца или отец выдающегося сына? Думаю, что смело

можно поставить знак равенства. Если отец, Всеволод Петрович Задерацкий первый после гениального Баха написал не менее гениальные «24 Прелюдии и фуги», оставил последующим поколениям прекрасные музыкальные произведения, то Всеволод Всеволодович в своих трактатах «Полифония в инструментальных произведениях Д. Шостаковича», «Полифоническое мышление И. Стравинского» раскрыл грядущим поколениям совершенство и настоящее новаторство этих композиторов-мыслителей, а двухтомный учебник «Музыкальная форма» стал жизненно необходимым для студентов консерваторий, музыкальных академий. Особенным достижением Всеволода Всеволодовича стала книга, посвященная истории жизни его отца, — «Per aspera». Эта книга — дань Отцу, его таланту, увековечение памяти талантливого, неординарного композитора, намеренно забытого, личности, которая не вписывалась в систему тотального террора, мыслителя, который осмелился представить свой образ мира. Система

никогда не могла простить ему. Будто извиняясь за нечеловеческие испытания, выпавшие на долю отца, судьба подарила сыну успех, признание и уважение при жизни, блестящую реализацию самых смелых творческих планов и проектов.

Всеволод Всеволодович окончил Львовскую консерваторию имени Н. Лысенко, аспирантуру Московской консерватории имени П. Чайковского, получил разностороннее образование, которое дало ему прочный фундамент для дальнейшей научно-творческой, а также практической педагогической деятельности. В конце 1960-х гг. Всеволод Задерацкий начинает преподавание в Киевской консерватории им. П. И. Чайковского. И назначение молодого ученого на должность проректора по научной работе в консерватории столицы Украины воспринимается как логическое продолжение его блистательного творческого пути. В то время в Киевской консерватории работал поистине фантастический талантливый «львовский десант»: Мирослав Скорик, Олег Крыса, Мария Чайковская, Богодар Которович, Всеволод Задерацкий! Их деятельность осталась в истории Киевской консерватории как торжество

таланта, успеха и прогресса! На долгие десятилетия именно эти талантливые молодые ученые, композиторы, исполнители сформировали будущее вуза, ныне Киевской национальной музыкальной академии им. П. И. Чайковского.

Судьба подарила мне волнующие и незабываемые встречи с этим прекрасным человеком огромной глубокой эрудиции, чрезвычайно доброжелательным и жизненно мудрым. В моей жизни встреча со Всеволодом Всеволодовичем сыграла исключительно важную роль – он оказал мне честь оппонировать на защите моей диссертации, в которой исследуется скрипичное творчество выдающегося украинского композитора Мирослава Скорика, близкого друга, соратника В. В. Задерацкого.

В Ваш юбилейный год искренне желаю Вам, почтенный Всеволод Всеволодович, добра и благодати, Господнего благословения на многие и благие лета! Примите поздравления от Ученого Совета, от меня лично, от всего коллектива Львовской национальной академии имени Н. В. Лысенко, почетным профессором, доктором *Honoris Causa* которой Вы являетесь. Как принято желать у нас: «З роси і води Вам!».

Александр Селицкий, доктор искусствоведения, профессор Ростовской консерватории, советник художественного руководителя Ростовского музыкального театра

Александр Селицкий

ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВУЮЩИЙ

Иногда может показаться, что под именем Всеволод Всеволодович Задерацкий скрываются... – нет, почему скрываются? – живут и активно существуют два человека. Один – крупный ученый, автор глубоких научно-теоретических трудов по полифонии, музыкальной форме. Второй – видная общественная фигура: один из руководителей Союза композиторов, организатор масштабных международных фестивалей и прочая и прочая. В моей, например, благодарной памяти навсегда остались события проведенной в Ростове более четверти века назад Академии музыки «Новое передвижничество». Тогда городу были пред-

ложены 26 концертов и спектаклей в течение месяца. Выступали в том числе ведущие российские коллективы и солисты, ростовчане видели и слышали спектакли недавно основанной «Геликон-Оперы», выступление 22-летней студентки Анны Нетребко. Акция эта, охватившая многие города области, по общему признанию, – беспрецедентная, не знающая аналогов в мире. Придумать, сформировать и осуществить такое – настоящее «русское передвижничество»!

Подобное совмещение видов деятельности – случай нечастый. Научные труды рождаются в тиши кабинетов; культурно-просветительские проекты – в общении с огромным числом людей благодаря искусству убеждать, вести за собой. То и другое предполагает, даже требует разной настройки мозгов, разной частоты дыхания и сердечного пульса, шире – разных образов жизни! У Задерацкого это получается в высшей степени естественно.

А может, «их» больше чем двое? Есть еще отец-основатель и главный редак-

тор единственного в своем роде ежеквартальника «PianoФорум», издания высочайшего уровня по всем параметрам: привлекаемые авторы и, соответственно, профессиональные кондиции текстов, редактura, верстка, качество полиграфии.

А еще отмеченный «усильным, напряженным постоянством» труд по возвращению имени и художественного наследия отца Всеволода Петровича. Да нет, какое уж тут возвращение? Возвращают то, что было и по какой-то причине ушло. А В. П. Задерацкий никогда в культурном обиходе не присутствовал вовсе. Скорее, спасение из бездны небытия. И опять-таки параллельно: создание книги (в уединении) — и инициация концертов, записей, документального фильма (разговоры, уговоры, многоканальные контакты).

А ЕЩЕ ЗАДЕРАЦКИЙ — БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗЧИК И ОРАТОР

С молодых лет, где бы он ни появлялся со своими импровизированными спичами, вокруг немедля собиралась толпа; слышал об этом от восторженных очевидцев.

Несомненно, Задерацкий — один. Един во всех названных и неназванных лицах. Общих знаменателей, вопреки незыблемым правилам математики, несколько. С одной стороны, яркость натуры, природный темперамент, ощущаемый и в научных трудах. Мощь интеллекта. Масштаб личности. Харизма. С другой — органическая музыкальность, ощущение музыки как звучащей стихии. Как феномена, который есть не только то, что в нотах, но то, что рождается и живет в результате исполнительского

акта и процесса слушания. А значит, является не только предметом исследования, но и объектом популяризации и пропаганды. Не каждый музыкант-теоретик, изучая стиль композитора, погружаясь в проблемы контрапункта, посвятит отдельную главу монографии интерпретации и восприятию творений мастера, как сделал Задерацкий в ранней книге о полифонии Шостаковича. Очевидно, и дар публичного говорения, и дар пианистический (позволяющий ученому впитывать музыку не только глазами и ушами, но и, что особенно важно, пальцами, телесно) достались ему по наследству от отца, а владение роялем еще и подкреплено специальным образованием, полученным наряду с музыковедческим.

Третий «общий знаменатель» — осмысление музыкального искусства в широчайшем контексте цивилизации, культуры в целом, с высоты взгляда на *мир*. Хотите понять кредо Задерацкого — мировоззренческое, музыкально-историческое — читайте его статьи в журналах, его знаменитые преамбулы к каждому номеру «PianoФорума».

Нет, он определенно не похож на однажды им же припомненного оscar-уайльдовского всадника, который, окинув взором горизонт, вскочил на коня и поскакал во всех направлениях сразу.

...Когда-то Всеволод Всеволодович предложил мне в общении с ним отказаться от имени-отчества («больно длинное, четырехспальное»), перейти на ты, и я воспринял это как незаслуженную награду. Но вот сейчас надену ее на парадный пиджак:

Сева, дорогой, с днем рождения! Желаю действовать долгие годы! По коням — и вперед, в заданном направлении! Там много интересного! И там... И там...

Александр и Лариса Соколовы

Глубокоуважаемый Всеволод Всеволодович, дорогой наш друг Сева!

Праздновать твой славный юбилей в режиме самоизоляции — этот нонсенс. Но пусть это непредвиденное обстоятельство послужит для нас залогом продолжения возможности высказывать тебе самые искренние и восторженные слова!

Господь даровал тебе талант яркий и многогранный, и ты щедро делишься его плодами с учениками и коллегами. Невзирая на любые житейские препятствия, ты всегда преисполнен оптимизма, излучаешь душевное тепло, вселяешь надежду на лучшее, что особенно важно именно сейчас.

Ты — истинный кладезь замечательных творческих идей, а потому не редет круг твоих единомышленников и последователей.

Многая тебе и благая лета, дорогой!

Душевно твои, Александр и Лариса Соколовы.

Александр Соколов, доктор искусствоведения, профессор, ректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, Лариса Соколова, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и композиции ГМПИ им. М. Ипполитова-Иванова

Николай Сук, профессор,
координатор фортепианного
факультета Университета
в Лас-Вегасе

Николай Сук

Аллилуйя!!!

Ты достиг монументальной отметки на своем блистательном жизненном пути! Да, монументальной, но промежуточной.

Впереди еще много всякого замечательного, ждущего реализации. А я, скромный эгоист, жажду по-прежнему восхищаться твоим блистатель-

ным, парящим умом, брать у тебя уроки обаяния, решать задачи твоей элегантной лингвистической изощренности и знать, что ты будешь, если у меня случатся быть проблемы.

Ты часто цитируешь Мандельштама. Можно мне добавить к твоему Мандельштаму немного слегка модифицированного Рильке? Перед тем, как «в холодном облаке исчезнуть», «нам, быть может, еще предстоит то, что жизнь ждала от нас».

Вроде бы неплохое motto на следующие лет пятнадцать. Спасибо тебе за все эти годы. Люблю тебя!

Йосси Тавор, теле- и радиожурналист, обозреватель по вопросам культуры, ведущий радио «Орфей»

Йосси Тавор

Всеволод Всеволодович Задерацкий, Сева. Я не перестаю удивляться и восторгаться этим человеком. С первой же минуты нашего знакомства меня поразила какой-то юношески озорной взгляд этого немолодого и украшенного благородными сединами мужчины. И чем больше я общался с ним, тем больше попадал под его обаяние.

В нем органично сочетаются профессорская энциклопедичность и всепоглощающая доброжелательность, неизменное стремление обогатить своего собеседника новой информацией или собственными идеями.

О его феноменальной эрудиции можно судить и по многочисленным статьям в журнале «PianoФорум», и по

серьезному тому под названием «Музыкальные идеи и образы минувшего века». Это нелегкое чтение, заставляющее задуматься о многих эстетических, философских и религиозных аспектах музыкального наследия предыдущего века, непростого и противоречивого, во многом трагического и в судьбах обоих Всеволодов Задерацких, его и его отца. Не буду пересказывать уже ставшие достоянием многих историю жизни и творчества старшего Задерацкого, но и младшему, нашему дорогому юбиляру, пришлось пройти через множество перипетий. Сохранить при этом переданные по наследству аристократизм и благородство, любовь к окружающему миру и неиссякаемый оптимизм – это бесценный и благодатный дар, коим наделен наш Всеволод Задерацкий. И дай Б-г ему долгие, благословенные годы творческого созидания и наслаждения от жизни. Ведь он достоин всего самого прекрасного.

Владимир Тарнопольский, профессор, художественный руководитель Научно-творческого центра современной музыки Московской консерватории и ансамбля солистов «Студия новой музыки»

Владимир Тарнопольский

УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК

Впервые я услышал о Всеволоде Всеволодовиче Задерацком еще в 70-х, когда был студентом Днепропетровского музыкального училища. Те наши педагоги, которые побывали на его лекциях на Всесоюзных курсах повышения квалификации, с единодушным восторгом отзывались о молодом разносторонне эрудированном ученом, умевшем просто и доступно размышлять вслух о сложных и противоречивых музыкальных процессах, происходивших в музыке второй половины XX века, виртуозно анализировавшем новые «непонятные» музыкальные произведения, включая сочинения композиторов, которые в те годы входили в неофициаль-

ные списки «нерекомендованных» авторов.

Лично же мне довелось впервые услышать лекции Всеволода Всеволодовича на одной из встреч в Московском Доме композиторов, посвященных творчеству наиболее ярких композиторов союзных республик. Каждая лекция проводилась музыковедом-специалистом по тому или иному культурному региону СССР. Мы, студенты Московской консерватории, именно на этих лекциях впервые узнавали имена таких замечательных композиторов, как Тертерян и Канчели, Васкс и Балакаускас. Профессор Задерацкий рассказывал об украинском авангарде. Тема, которая казалась мне знакомой хотя бы уже по факту учебы в одном из музучилищ Украины и личной дружбы с некото-

рыми молодыми композиторами, на этой встрече открылась мне совершенно по-новому. На лекции профессора я неожиданно понял, как мало знал о процессе становления украинского авангарда и о самых интересных его композиторах! И какие потрясающе интересные связи и параллели образуются между композиторами разных регионов и разных стран. Сложившаяся у меня к тому времени картина всего советского авангарда серьезно переструктурировалась. С тех пор я старался не пропускать лекции Всеволода Задерацкого, а его фундаментальные теоретические исследования — книги о полифонии Стравинского и Шостаковича — стали для меня, уже педагога консерватории, настольной литературой, обязательной для изучения студентами.

Но здесь из всех теоретических работ Всеволода Задерацкого я хотел бы выделить одно исследование, вызвавшее, наверное, самые острые споры. На рубеже веков Всеволод Задерацкий, уже будучи широко известным и признанным музыкальным ученым, принимает по-юношески рискованное решение, из тех, которые никому просто так не сходят с рук: он пишет и издает двухтомное исследование о музыкальной форме. В истории музыки можно насчитать не так уж много фундаментальных, целостных исследований этого до конца непостижимого феномена, но при этом, кажется, нет и ни одного автора (даже среди самых великих), которого сразу же не подвергали бы критике сторонники иных подходов. В исследовательской литературе давно сложился надежный корпус эвфемизмов названий научных работ, которые заранее сглаживают острые углы критики, такие как, например, «К вопросу о форме...», или «Некоторые

особенности формы...», или «Очерки...» и т. п. Но нет, двухтомник Задерацкого называется провокационно просто — «Музыкальная форма». В этом исследовании автор предпринимает попытку объединить различные, казалось бы, несоединимые подходы к феномену музыкальной формы: системно-теоретический и последовательно-исторический, структурно-семиотический и методологию, связанную с исследованиями психологии слушательского восприятия. При этом Задерацкий уже на первых же страницах своей работы намеренно «сталкивает» совершенно различные музыкальные миры, различные как хронологически, так и стилистически — Чайковского, Циммермана и Сильвестрова, — выбивая из-под ног читателя привычную методологическую платформу, ориентированную на изучение преимущественно исторической эволюции форм. В то же время автор возвращает в наше музыковедение негласно избегаемый с некоторых пор асафьевский термин «интонация» и последовательно развивает идею интонационного развития. Что означает эта вызывающая научная дерзость: всеядность, эклектику или универсализм и ту самую российскую «всеответность»?

Я подробнее остановился на этом примере потому, что, мне кажется, он как нельзя лучше иллюстрирует одну из важных черт личности Всеволода Задерацкого — стремление, даже ценой большого риска, преодолеть определенную «заакадемизированность» сегодняшней музыкальной науки, ее рассредоточенность по узкоцеховым признанкам. Это исследование демонстрирует страстную потребность автора открывать новые берега, обнаруживая в радикально новом нечто неизменное, а в исторически сложившемся иконостасе классики — новизну и эксперимент, т. е.

ту жизненную силу, которая сегодня делает ее современной.

И здесь очень важно сказать несколько слов о другой стороне деятельности Всеволода Задерацкого, которая, на первый взгляд, кажется мало связанной с его научной работой, но при более глубоком рассмотрении оказывается прямым ее продолжением. Речь идет о гигантской художественно-просветительской работе, которую знают во многих городах России.

ВСЕВОЛОД ЗАДЕРАЦКИЙ,
ВМЕСТЕ С РЕКТОРОМ
КОНСЕРВАТОРИИ,
ПРОФЕССОРОМ АЛЕКСАНДРОМ
СОКОЛОВЫМ ЯВЛЯЕТСЯ
АВТОРОМ ИДЕИ
ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОЕКТА
«НОВОЕ
ПЕРЕДВИЖНИЧЕСТВО»,
В РАМКАХ КОТОРОГО
ЕЖЕГОДНО ПРОВОДЯТСЯ
ДЕСЯТКИ КОНЦЕРТОВ
И ФЕСТИВАЛЕЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ
В РАЗЛИЧНЫХ РОССИЙСКИХ
РЕГИОНАХ

В этих концертах принимают участие самые известные солисты и коллективы страны. Мне приятно отметить, что и консерваторский ансамбль «Студия новой музыки» с большим успехом выступал на нескольких фестивалях.

Для автора этих строк особенно важным стал в свое время другой грандиозный проект, в организации которого принял самое активное участие в качестве главного эксперта Всеволод Задерацкий, — это фестиваль музыки композиторов ФРГ, проходивший в течение целого года в разных уголках

СССР на самом излете его существования. Тогда к нам приезжали с концертами различные немецкие оркестры, ансамбли, даже оперные труппы и, конечно, сами композиторы. Среди нескольких десятков концертов, прошедших в Москве, наиболее запоминающимися остались гастрольные Ensemble Modern и, конечно, сенсационные пять «сценических концертов» с музыкой К. Штокхаузена, представленных его труппой. Проводившийся на фоне более чем аскетичного современного репертуара советских оркестров, этот уникальный по своей полноте фестиваль способствовал пробуждению интереса к новой музыке у целого поколения молодых российских музыкантов. Сегодня даже во всезнающем интернете невозможно найти и следа этого выдающегося культурного события, растянувшегося тогда, в доинтернетную эпоху, на целый год, но как педагог тогда я сразу ощутил в работах своих студентов прилив новой крови, а недавно прочитал в одном интервью Владимира Юровского слова о том, что именно этот фестиваль сформировал его интерес к современной музыке!

Еще один очень личный «проект» Всеволода Задерацкого, который мне, человеку, много пропагандирующему «насилованно забытую» музыку раннего советского авангарда, особенно близок: это возвращение к жизни музыки отца ученого, одного из крупнейших композиторов той эпохи Всеволода Петровича Задерацкого. Этот проект — отнюдь не просто «сыновний долг» профессора, но исторически исключительно важная работа по реконструкции правды того времени, правды и политической (композитор был трижды репрессирован), и художественной (здесь достаточно сказать,

что Задерацкий был первым композитором XX века, который — до Хиндемита и Шостаковича — обратился к реконструкции барочного жанра «24 Прелюдии и фуги». При этом творчество композитора является еще и ярким образцом футуризма). Открывая нам в своей замечательной книге, концертных программах и фильмах музыку своего отца, профессор-художник Задерацкий по существу открывает нам нечто гораздо большее — нашу собственную историю, историю становления нас самих, такими, какими мы были со всеми нашими выдающимися достижениями и преступными ошибками, и такими, какими мы в результате всего этого стали.

Этими вырванными из памяти отдельными эпизодами я хотел бы показать, что «по Задерацкому» научный труд, художественные проекты и про-

AUDENTES
FORTUNA
JUVAT

светительство — это три названия одного и того же, эти ипостаси лишь искусственно разведены в нашей жизни по разным углам одного большого пространства под названием *культура*. И счастливы те, по-юношески «наивные» люди, которые как бы ничего об этом не знают. Но счастливы и те, кто с этими замечательными людьми работает, общается, выступает. И я чувствую себя одним из них. Многие лета Вам, множества новых неожиданных проектов, дорогой Всеволод Всеволодович!

Прим. ред. Одновременно с этой статьей Владимир Григорьевич заканчивал работу над партитурой нового сочинения «Форсаж» (в английском варианте — «Over Drive»), написанного по просьбе того самого Ensemble Modern, который в 1989 г. В. В. Задерацкий пригласил на фестиваль в Москву. В 2020 ансамблю исполняется 40 лет, готовится диск с сочинениями тех композиторов, с которыми коллектив постоянно сотрудничал.

Рауф Фархадов, доктор искусствоведения, ведущий эксперт Ассоциации современной музыки, куратор фестивалей современной музыки

Рауф Фархадов

БЫВАЕТ ЖЕ ТАКОЕ!

Музыкант – одна из редчайших оставшихся на земле профессий, все еще до конца не включенных в общественный тип существования и работы, все еще не основанных на общности коллективных интересов, все еще неподвластных решению общих целей и задач, и значит это та самая профессия, которая только и может напомнить человеку о его исключительности, незаменимости, уникальности.

Правда, как у всякого человека искусства, у музыканта нет судьбы без других, нет творчества без творчеств иных мастеров и гениев, и, во многом, музыкальная жизнь – это многообразные связи с прошлым, и, следовательно, колоссальная за это прошлое ответственность. Но помимо этой ответственности перед музыкантом и

неведомое пространство музыкального будущего, за которое он ответственен не менее (если не более), и отсюда всякий раз желание превзойти пределы завоеванного в музыке (что есть удел, в принципе, очень и очень немногих), а значит изменить и нечто в этом мире. Может быть, поэтому в подлинном творчестве ставятся цели идеальные, совершенные и недостижимые, но оттого всегда актуальные и необходимые: обретение смысла жизни, истины, абсолютной свободы или единения человечества.

Музыкант может не верить в бога, судьбу, провидение, его единственная вера – вера музыкальная, и эта вера дает ему силы, она тревожит и будоражит, побуждая к невероятной внутренней деятельности, к чему-то наивысшему, трансцендентному; вера, связывающая музыканта и с современным, и с историческим.

Музыка становится для него бесконечной открытостью и, в отличие от религии, в музыке нет достижения чего-то конечного, потому-то при всем том, что она каждый раз являет себя в своей историчности, в ней есть только приближение. Музыка –

всегда как шанс, как возможность, как попытка и поиск, но никогда не итог, результат или окончательность. И от этой постоянной возможности, шанса, поиска и определенной для музыканта потребность в творческой свободе, которая одновременно есть и некая для него безусловность, пограничность, напряжение и та самая решительность, благодаря которой он приходит к пониманию не только того, кто он есть, но и кем ему быть должно.

Здесь музыкант вправе доверять лишь себе, а не вкусам и пристрастиям власти или толпы (какое, собственно, значение должны иметь для него предпочтения в искусстве монарха, премьер-министра или народных масс?), и даже не общей линии развития музыкальных сообществ и союзов, так как общей тут может быть только цель, тогда как смысл ее всегда глубоко индивидуален, личностен, экзистенциален. Да и собственные убеждения музыканта возникают не из юношеского романтизма, нигилизма или максимализма, не из ежедневно меняющейся музыкальной идеологии и политики, не из стилистических разностей и направленностей, но из долгого противоборства с самим собой, собственными сомнениями и выводами, из противоречивостей внутреннего Я. Музыканту важно не столько прислушиваться к своим чувствам и эмоциям, сколько уметь им противостоять, таким лишь образом избегая в собственном творчестве схематизма или невнятной исповедальности.

Перечитайте текст заново и убедитесь, что ни разу не употребил таких слов, как музыковед, доктор искусствоведения, профессор, главный редактор, автор фундаментальных книг, статей и исследований, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Госпремии РФ, что входил в число директоров проекта ЮНЕСКО «Музыка в жизни человечества – Всемирная история», что эксперт, просветитель, куратор, координатор, учредитель, художественный руководитель академий, про-

ектов, и не художественный – дипломных, диссертационных работ, что... Не употребил потому, что для меня и, уверен, не только для меня, но и для всех, кто его знает, он – В. В. Задерацкий прежде и более всего Музыкант! Со всем вышеизложенным и со всеми отсюда вытекающими! Возможно, поэтому и в его главной музыкальной ипостаси – музыковедческой – так много наряду с глубоко научным, аналитическим, философским, эстетическим... свободного, неожиданного, парадоксального, экстраординарного: ломающего и решительным образом переосмысляющего привычные жанровые, стандартные, казалось, давно узаконенные академической наукой нормы, формы и стереотипы. Порой, читая Всеволода Всеволодовича, и вовсе создается впечатление, что это не столько оригинальным образом структурированный музыковедческий текст, сколько некий музыкальный материал, некий тип композиционного мышления, намечающий иные толкования и понимания музыкального звука, ритма, полифонии, гармонии, времени и пространства.

Если же довести свой монолог о музыковедении ВВЗ до некоего логического завершения, то сказал бы: есть музыка как предмет музыковедческой науки и аналитики, а есть музыка как явление духа.

Суть одного – содержательность музыкального знания. Суть другого – движение мысли, философствование, возможность трансцендирования и восприятия музыкального как чего-то всеприсутствующего.

И первое у ВВЗ – подлинно научное и точное – служит основанием полета и движения второго.

Оно единично – музыковедение ВВЗ. Как единична музыка его отца – совершенно неповторимого композитора Всеволода Петровича Задерацкого.

Нашему юбиляру 85 лет. Бывает же такое!

Анатолий Цукер, заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель кафедры истории музыки Ростовской консерватории, председатель правления Ростовской организации Союза композиторов России

Анатолий Цукер

БЛЕСК МУЗЫКОВЕДЕНИЯ

В поисках слова, отражающего сложившийся в моем представлении образ юбиляра – Всеволода Всеволодовича Задерацкого, дорогого Севы, Севочки, – более соответствующего, чем «блеск», блеск научный, публицистический, артистический, человеческий, я в своем лексиконе найти не смог. У меня было немало времени, чтобы утвердиться в этом убеждении. Наше знакомство, переросшее, смею надеяться, в дружбу, длится уже более полстолетия, а если быть точным, 55 лет. Но и сегодня я помню все, как будто не было этих лет. Причем, могу заверить, не в силу моей «редкой памяти», а благодаря яркости самого объекта.

Новосибирск, 1965 год. В консерватории, где я учусь на третьем курсе теоретико-композиторского факультета, появляется новый для меня персонаж, вокруг которого тут же возникает колдовращение, оживленные обсуждения, бурные дискуссии. Задерацкий – центр притяжения студентов-музыковедов, композиторов, отдельно – студенток, которые повально влюбляются в него, что говорится, с первого взгляда. Да и может ли быть иначе?! Он красив, обаятелен, элегантен, обходителен и приветлив, абсолютно свободен и раскрепощен, расположен к общению. А как он умеет говорить! Его афористичные высказывания по тому или иному поводу тут же начинают цитировать, его остроумные каламбуры, отделяясь от автора, гуляют по консерватории.

Вспоминается один забавный эпизод, связанный с поездкой в 1966 году на фестиваль «Варшавская осень». Мы выезжали туда большой студенческой группой, которую возглавляли наши пе-

дагоги Юзеф Гейманович Кон и Всеволод Всеволодович Задерацкий. На этом самом авангардном музыкальном форуме Восточной Европы на нас тогда обрушился шквал новой, неизвестной нам музыки: от классики авангарда до безумного, шокирующего экспериментаторства — с использованием струнных инструментов в качестве ударных; откровенным включением звуков окружающей среды, природных шумов, шорохов, визгов, стука пишущей машинки, звучания транзистора; вскакиванием, выкриками, ползанием по сцене и беганием по залу музыкантов (что мы в те годы знали о конкретной музыке, сонористике, инструментальном театре?). Один из подобных эпатажирующих хеппенингов вызвал у меня полное неприятие, которым я поделился с кем-то из своих коллег. И вдруг я услышал в ответ: «Да что ты?! Это же потрясающее воплощение ужасов современного Нью-Йорка». По дороге из концертного зала в отель до меня не раз долетали слова впечатлившихся слушателей, которых прозвучавший опус тоже «потряс ужасами современного Нью-Йорка». «Надо же, — с грустью думалось мне, — только я один ничего не понял в этой музыке». После концерта мы обычно собирались в холле гостиницы на кофепитие и обсуждали услышанное. Конечно, ярче всех был экспресс-анализ Задерацкого, который в числе прочего вдохновенно произнес: «Это потрясающее воплощение ужасов современного Нью-Йорка». И тут я вздохнул с облегчением. Стало понятно, откуда «растут ноги», так вот он где первоисточник. Это Задерацкий походя обронил фразу, ко-

CARMINA
MORTE
CARENT

торая тут же была многократно транслирована окружающими. Его способность воздействия на любую аудиторию была и остается феноменальной, а секрет его ораторского искусства — предмет отдельного разговора.

Задерацкий вообще по природе своей артист — блистательный, темпераментный. А его способность мгновенной импровизации спича на любую тему и вообще без темы приводила нас в восхищение. Мне говорили, что, выходя на сцену филармонии со вступительным словом перед симфоническим оркестром, он до начала концерта не все-

гда знал его программу; дар импровизатора и зажигаемость речи обеспечивали ему успех у публики. Может быть, это легенды, но они очень похожи на Задерацкого, каким я его знаю. Когда слушаешь любое его выступление, будь то филармоническая эстрада или научный форум, создается ощущение, что мысль рождается на твоих глазах, здесь и сейчас, а он искренне и непосредственно радуется ее появлению на свет. Это особое искусство, ему нельзя научить.

Не могу не вспомнить еще одну «картинку прошлого» времен моего студенчества. Я жил тогда в новом, только построенном общежитии консерватории, первый этаж которого временно занимали вновь приехавшие в Новосибирск и еще не имевшие квартир педагоги. С некоторыми обитателями первого этажа я тогда сдружился, несмотря на разницу в возрасте и положении.

В их числе был и Всеволод Всеволодович. Комизм ситуации состоял в том, что по распоряжению проректора во всем

общежитии в 11:30 вечера отключали свет, чтобы студенты соблюдали режим, вовремя ложились спать и не опаздывали на занятия. Но настоящая жизнь именно тогда и начиналась. Центром всего становился первый (педагогический) этаж, где проходили шуточные и шумные «митинги протеста», собиравшие студентов с верхних этажей, а главным оратором-трибуном был, разумеется, Задерацкий. Он входил в роль и перед собравшейся аудиторией произносил пламенные речи, рисовал красочные картины «общежитского апокалипсиса», конца света, в буквальном и переносном смысле этого слова, вызывая восторг слушателей. Я много раз впоследствии слышал блистательные выступления Задерацкого на различных музыковедческих форумах, композиторских пленумах и съездах, но этот «театр» на первом этаже общежития, при свечах, в полутемном коридоре возле туалета, я запомнил на всю жизнь.

А как не вспомнить в этой связи уже из более позднего времени — 80-х годов — период работы Задерацкого председателем комиссии музыкознания и критики Союза композиторов СССР. Там же работал еще один ярко харизматический персонаж — Владимир Ильич Зак. Когда я приезжал в Москву, то непременно бывал в Комиссии и не только потому, что набирался там новой информации, научных идей, узнавал о последних или предстоящих событиях музыковедческой и композиторской жизни страны. Но еще и потому, что «дуэт» Задерацкий — Зак представлял собой умопомрачительный юмористический баттл. Они соревновались в остроумии, и это было до слез смешно. Все известные мне юмористы бледнели перед этим фейерверком интеллектуальной игры.

АРТИСТИЗМ ЗАДЕРАЦКОГО МЕНЯ ВОСХИЩАЛ В РАЗНЫХ СИТУАЦИЯХ НО, ПОЖАЛУЙ, БОЛЕЕ ВСЕГО – В ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Он вел у нас курс полифонии, дисциплину, прямо скажем, не самую благодарную. Казалось бы, среди этих индексов горизонталис и вертикалис, стретт, канонических имитаций, удержанных и недержанных противосложений с артистизмом не очень-то разгуляешься. Но лекции Всеволода Всеволодовича — тогда еще совсем молодого педагога, ему ведь было не более тридцати — превращались в увлекательный сюжет. Железная логика мысли сочеталась в них со свободой и импровизационностью, продуманность построения — с непосредственностью и радостью открытия (эврика!). Полифония в исполнении Задерацкого таила в себе массу тайн, загадок, она была интригующе интересной, почти как детектив. Позже с таким же неослабевающим интересом я читал его публикации по полифонии Шостаковича, Стравинского, осознавая, что полифония — это не техника или организация фактуры, а способ мышления и, шире, философия жизни.

Контрапункт и философия. Именно у Задерацкого они могли образовывать единое проблемное поле. Всеволод Всеволодович — музыковед особого, я бы сказал, редкого типа. Мы знаем немало коллег, в том числе замечательно талантливых, которые посвятили себя какой-то одной области музыкознания и, копая и окучивая свое поле, добились значительных, подчас выдающихся успехов в этом направлении. Наша музыкальная наука к этому

вполне располагает. Она владеет в ряду искусствоведческих наук, может быть, единственным по своей сложности, изощренности, внутренней дифференцированности на отдельные самостоятельные отрасли, исследовательским инструментарием: наука о гармонии, наука о контрапункте, наука о форме. А еще музыкально-исторические науки. Каждая из этих наук открывает широкие исследовательские возможности, позволяя ученым специализироваться в данной конкретной сфере, лишь иногда, в силу необходимости, заходя на смежную, «чужую» территорию. Задерацкий — ученый диаметрально иного плана, его музыковедение принципиально междисциплинарно, а точнее, полидисциплинарно. Трудно охватить все те области знаний, в которых развивается его на-

учная мысль. Помимо всех названных и неназванных собственно музыковедческих отраслей, это еще философия, эстетика, социология, история, культурология, музыкальная психология, исполнительство. Он свободно плавает в этом океане знаний. Его интересуют не только сами музыкальные явления, но их генетика, онтология, жизнь во времени и пространстве. Поэтому они всегда вписаны в мировоззренческий, общегуманитарный, социокультурный контекст. Поэтому их читать так же интересно, как слушать устные выступления ученого — артиста — музыканта.

Дорогой Сева! Что пожелать тебе к юбилею. Хотелось бы сказать: «О, если б навеки так было». Но, к сожалению, навеки не бывает. Тогда пусть так будет как можно дольше.

Наум Дзекцер, ученый секретарь
секции «Энергетика» НТС Санкт-
Петербурга, Зора Цукер,
преподаватель специального
фортепиано ССМШ Санкт-
Петербургской консерватории,
почетный член
Филармонического общества
Санкт-Петербурга

Зора Цукер

Уважаемый Всеволод Всеволодович,
дорогой Сева!

Не удивляйся двойному обращению.

Первое принадлежит студентке I курса Львовской государственной консерватории им. Н. Лысенко 1959/60 учебного года. Мне было 17 лет, и я не осознавала до конца, как мне повезло! Общение на уроках по анализу музыкальных форм с педагогом необыкновенно талантливым, ярким, увлеченным своей профессией и умело вовлекающим нас, юных студентов, в бескрайний мир *музыки*, — это про вас, Всеволод Всеволодович. Прошло столько лет, но помню детали, включая анализ сонаты h-moll Листа и вас за роялем, с таким мощным показом!

Мы с Наумом поздравляем тебя, нашего друга, с такой замечательной датой!!! Я ее воспринимаю как-то особенно, даже интереснее, чем 80. 85 звучит теплее и не так официально.

Долгие лета сохранять твой жизненный тонус, продолжать своими статьями, предваряющими каждый номер «PianoФорум»,

инициировать нас, музыкантов, к бесконечному развитию, что так важно для любого человека и для педагога в частности.

Тебя поднимает еще на особую высоту то, как ты исполнил свой сыновний долг, какой был проделан титанический труд, осуществление издания и исполнения выдающегося фортепианного цикла «24 прелюдии и фуги» Всеволода Петровича Задерацкого, твоего отца с трагической судьбой. И, конечно, написанная тобой книга «Per aspera». Исполнение этого цикла шестью московскими пианистами в нашем Концертном зале Мариинки — огромное впечатление и в каком-то смысле — потрясение!

Заканчивая свой «тост», хочу выразить восхищение твоей манерой общения. Ты выдающаяся личность, уже при жизни вошедшая в историю музыковедения и не только, занимающая особое, высочайшее место в музыкальном мире, сохраняешь непосредственность, демократичность, уважительность к людям, что свойственно истинно крупным фигурам.

Пожелаем друг другу и всему человечеству скорейшего возвращения к нормальной жизни, к осуществлению наших планов.

Обнимаем, любим, гордимся!

Владимир Чинаев, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства Московской консерватории

Владимир Чинаев

Дорогой Всеволод Всеволодович!

Ваш славный юбилей с такой красивой цифрой «85» — замечательный повод поразмышлять о «Феномене Задерацкого».

Вы удивительный человек! Если бы меня спросили, к какой эпохе Вы принадлежите, я бы не задумываясь ответил: к эпохе Просвещения, к легендарному *Siècle des Lumières*. Не только потому, что Век Просвещения — средоточие великих умов, но прежде всего потому, что *Lumière* это еще и Свет. Да, Вы светлый человек, Вы просветитель в лучшем и многомерном значении слова.

Мало сказать об организованных Вами крупнейших международных фестивалях, посвященных творчеству Шостаковича, Прокофьева, современных композиторов, тогда, в 80-х, «опальных» в СССР; мало сказать о Вашей лепте в международных проектах ЮНЕСКО, не говоря о многочисленных участиях в мировых

симпозиумах и конгрессах — это лишь внешние знаки, за которыми смыслы Вашего просветительства. Именно Вы подлинный культуртрегер. Помню возрожденную Вами в 1990-е годы исконно русскую благородную идею передвижничества, когда мы, Ваши современники, странствовали по городам и весям с концертами под эгидой Музыкальной академии «Новое передвижничество». Среди профессионалов ее так и называли: «Академия Задерацкого». Помню и Ваши просветительские выступления в Киеве 70-х, недавние блистательные сообщения на самых разных музыковедческих и культурных съездах в Санкт-Петербурге, в Москве. Вы были и остаетесь неутомимым сподвижником.

Сегодня в профессиональной среде трудно найти тех, которые не знали бы Ваши капитальные исследования по проблемам теории музыки и — шире — философии искусства, культурологии, музыкальной социологии прошлого и современности. Здесь только назову книги «Полифония в инструментальных произведениях Д. Шостаковича», «Полифоническое мышление Стравинского», фундаментальное исследование «Музыкальная форма». Поле Ваших

научных интересов поистине необъятно: от истоков полифонических жанров до Мессиана, от Баха до Губайдулиной, Канчели, Сильвестрова, от Хиндемита до новейшей электронной музыки; наконец недавно вышедшая «прорывная» книга о Вашем легендарном отце. И как не сказать о Ваших многочисленных ярких очерках в «РiаноФорум» — ведь это, по сути, еще одна книга, которую Вы просто обязаны издать.

Да, многогранник «Феномена Задерацкого» излучает Свет. Для меня это неоспоримо. Свет личности — ученого, труженика, человека. Ведь я помню, как к Вам, к Вашему излучению добра, к лучезарной улыбке Задерацкого молодежь просто тянулась! Восхищаются Вами и ныне.

Дай Бог Вам, дорогой Всеволод Всеволодович, всяческого благополучия!
Vivat!

Татьяна Шатковская,
композитор

Татьяна Шатковская

Мне посчастливилось общаться с Всеволодом Всеволодовичем Задерацким, когда я обучалась в аспирантуре Московской консерватории — Всеволод Всеволодович был моим научным руководителем. Мы работали над аспектами гармонического языка Альфреда Шнитке. Помню, как это

было одновременно волнующе, интересно и радостно: искать вместе с Всеволодом Всеволодовичем ответы на поставленные вопросы, а что-то совершенно переосмысливать и заново открывать!

Дорогой Всеволод Всеволодович, от души хочу поздравить Вас с днем рождения! С большой благодарностью и признательностью вспоминаю наши с Вами занятия! Желаю Вам неиссякаемого вдохновения, ведущего к новым горизонтам, крепчайшего здоровья и всех благ!

Анастасия Якубек, журналист, автор фильма
«Я свободен» о В. П. Задерацком, Магадан

Анастасия Якубек

ПРО СЕБЯ, ПРО НЕГО И ПРО ЖИЗНЬ

Мама: «Сима, у ВэВэшечки
скоро день рождения!»
Сын (10 лет): «Пора рисовать
очередного дирижера!»

Писать нужно только о том, что знаешь очень хорошо. Иначе рискуешь ошибиться. Я буду писать... о себе. О своих ощущениях. Тут точно не промахнусь.

Я очень рада, что он не мой Учитель. Иначе в памяти невольно бы всплывали воспоминания из щенячьей юности, и на всю жизнь бы осталось *то* восприятие человека. Знаете, как бывает... Первая встреча, как первая и единственная фотография. Я бы жила, не замечая, как

с моим взрослением менялся бы и он. И, возможно, проморгала бы главное.

Мне хорошо оттого что мы не в кровном родстве. Ведь близких мы воспринимаем как *своих*, слишком субъективно. А у меня есть удивительная возможность видеть его со стороны, как бы целиком. А ведь большое видится только на расстоянии. И в этом смысле мое расстояние — в географических масштабах — как нельзя лучше играет мне на руку.

Я счастлива, что он не мой водитель. Потому что та лихость, с которой он водит машину, добавляет мне седины. Хотя безмерно благодарна, что в моей жизни теперь есть и этот опыт. Опыт вот *такого* страха. И еще одна история про профессора-Шумахера, которой я увлечательно делюсь с друзьями.

Я горжусь, что у меня нет алкогольной зависимости. Потому что рядом с ним, под его витиеватые разговоры, поддаваясь его обаятельной настойчивости поднять бокал *еще*, еще, и еще, и еще... ну и еще... я бы, право, нашла

в этом смысл жизни. Хотя напиваться с ним бесконечно приятно.

Я уважаю себя за способность уметь молчать и слушать. Потому что когда рядом человек, мысли которого глубже, оригинальнее, интереснее твоих собственных, надо просто замолчать, впитывать и ценить. С ним как раз такой случай. Он тот, кого *надо* слушать.

Я НАШЛА ПРЕЛЕСТИ В ТОМ,
ЧТО У МЕНЯ НЕТ
МУЗЫКАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ, ПОТОМУ ЧТО
ЕГО РАССКАЗЫ О МУЗЫКЕ
И МУЗЫКАНТАХ КАЖДЫЙ РАЗ
СТАНОВЯТСЯ НАСТОЯЩИМ
ОТКРЫТИЕМ

А когда тебе нормально так за сорок, с открытиями совсем тухло. Многое видел, многое знаешь, многое узрел. А тут глоток свежего воздуха, такой волшебный, как из детства.

Мне приятно, что мы родились рядышком. В календаре. Соседствуем с разницей в несколько дней. Наверное, поэтому *так* понимаем друг друга, видим чуть больше, чувствуем, возможно, похоже. В любом случае, та оценка моих стихотворных текстов, которую он прислал мне однажды, стала самой точной для меня. Будто прочитали тебя, вывернутую наизнанку, и сделали правильные выводы.

Я чертовски довольна тем, что мне (и пока, к сожалению, только мне) удалось *так* рассказать историю его семьи, его отца, *его* историю. Он мне доверился, дал так необходимую творческому человеку свободу. Мне, незнакомой девочке с другого края нашей страны... До сих пор не понимаю, как он рискнул. Наверное, почувствовал.

Я торжествую, что между нами разница в 40 лет. Почти целая жизнь. Мне ра-

достно, что ему уже так *много*. В нем есть что-то от моего отца — лучшего мужчины, которого я встречала в своей жизни. Когда рядом не надо быть сильной, когда позво-лительно быть маленькой, слабой, когда можно прятать нос в его плечо и ничего не бояться. И, несмотря на сорокалетний разрыв, мы говорим на одном языке. Потому что и у него, и у меня до сих пор в одном месте играет хулиганское детство. Потому что только такой взгляд на окружающий мир позволяет не разочаровываться.

Мне нравится, что мы так редко встречаемся. Потому что в этих коротких пересечениях мы *никогда* не говорим о пустом. Только о важном. И время не утекает просто так. И все по-настоящему. И от этого общение становится бесценным, запоминающимся, значимым.

Мне совсем не грустно от того, что таких, как он, очень мало. В этом ценность. Он — как крепкая нить, которая соединяет прошлое и настоящее. То, что уже безвозвратно ушло, — теплое, культурное, душевное — соединяет с жестким, диковатым, сумасшедшим временем, в котором мы обитаем. Он будто помогает притормозить. Служит якорем для меня: «стой, оглянись, задумайся, отрефлексируй!»

Я вдохновляюсь его нежеланием вписываться в современные реалии, его неспособностью прогнуться перед обстоятельствами. Это точно у него семейное. Так жить сложнее, но он умеет справляться.

Я завидую белой завистью его интеллигентности высшего пилотажа. Он мой *герой*. Мой подарок. Человек, который встретился мне *неслучайно*. Мой ВэВэ-шечка, с которым я так и не смогла перейти на «ты». Человек, которому хочется подарить приличную горсть своих годков жизни, не жалея, от души. И если б это было возможно, сделала бы так, без промедления, не задумываясь.

Андрей Ярошинский

Maestoso

Murmurando con ánima тысячи слов,
Осознав невозможность сравнений,
В мире правил, границ и привычных оков
Вы — среди уникальных явлений.

Пробиваясь con forza сквозь стены времен,
Без сомнений, без страха, без меры,
Высекаете в сонме великих имен
Путь отца, озаряющий верой.

PianoForum, как близкий, родительский дом,
Как источник всего FortePiano,
Золотым и блестящим ведомый пером,
Убежденно, без лжи и обмана.

Словно basso continuo жизненных строк,
Камертон для тональных миграций,
Твердо знающий верный для каждого срок,
Ориентир чистоты интонаций.

Con fuoco, con brío как кредо избрал,
С полифонией мыслей и мнений,
В Вашу честь в этот день собирается зал,
ВВЗ — обожаемый гений.

D.C.

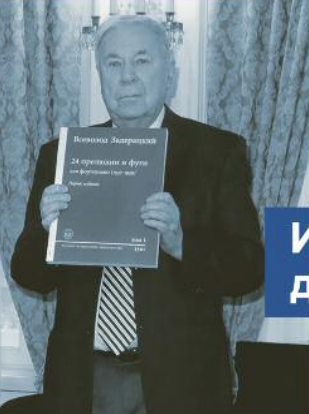
Андрей Ярошинский, профессор Высшей школы музыки Katarina Gurska в Мадриде, руководитель Ассоциации молодых музыкантов-исполнителей Российского музыкального союза

**Достигнув больших высот,
сумел сохранить почти
детскую любовь к жизни**

29 XII 1969 Москва

Дорогой Вера Васильевна!
Горю поздравить Вас с Новым, 1970 годом.
Желаю Вам долгого здоровья, счастья
улы и успехов в Вашей работе.
Примите мои сердечные благодарности
за Вашу книгу, в которой Вы
так много дали мне внимания.
Ваша дочь
Ольга Леоновна

**Исключительный
дар рассказчика**

**Феноменально
пластичная
мысль, облеченная
в удивительный
по лексической
селекции
интеллектуальный
узор**

**Понятный язык —
особенность, столь редкая
в музыковедческих
публикациях**

**Его невозможно
не любить**

**Он по природе
своей артист —
блистательный,
темпераментный**

**Мы, студенты,
его обожали**

**Удивительно
светлый человек**

**Музыковедение
ВВЗ единично**

**Це місце
не позичати,
це місце краватки
Задерацького!**

**Истинный русский
интеллигент**

**Пламенные речи,
рисующие
красочные картины
«общезитского
апокалипсиса»**

